

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Дипак Лал:
модернизация
без вестернизации

Препринт М-28/12

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2012

УДК 330.3
ББК 65.01
3-29

Заостровцев А.П.

3-29 **Дипак Лал: модернизация без вестернизации** / Андрей Заостровцев: Препринт М-28/12. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. — 48 с. — (Серия препринтов; М-28/12; Центр исследований модернизации).

Один из ведущих специалистов в области экономики развития, американский экономист индийского происхождения Дипак Лал в своих фундаментальных трудах разработал концепцию, позволяющую увидеть истоки возвышения европейской цивилизации и связать их появление с глубокими изменениями в мировоззрении, которые были порождены двумя папскими революциями (папы Григория I в VI в. и папы Григория VII в XI в.). Первая папская революция касалась семейных отношений и породила идеологию (космологию) индивидуализма. Вторая привела к формированию благоприятного отношения к рынку в общественном сознании и появлению необходимых для его развития институтов. В сумме они и дали то, что Лал называет «европейским чудом»: устойчивый интенсивный тип экономического роста.

В то же время Лал полагает, что странам евразийской цивилизации в целях успешного развития нет необходимости заимствовать западную космологию — индивидуализм. Наоборот, такое заимствование (вестернизация) может оттолкнуть их от глобализации. Для успеха им достаточно заимствовать западное восприятие рынка (материальные представления) и нужные ему институты. Это и будет модернизация без вестернизации.

Лал полагает, что индивидуализм, который изначально возвысил Запад, затем подорвал его способность быть гарантом либерального экономического мирового порядка. Возможно, на этот статус в будущем смогут претендовать Китай или Индия.

Информация об авторе: **Заостровцев Андрей Павлович** — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор СПб НИУ-ВШЭ (zao-and@yandex.ru).

Введение

Индийский экономист Дипак Лал¹ является признанным в мире специалистом в области международных экономических отношений и экономики развития. Будучи одним из наиболее авторитетных исследователей социально-экономического развития Индии², он приобрел широкую известность в мировом сообществе экономистов после издания в 1996 г. совместной с Хла Мюинтом книги «Политэкономические аспекты бедности, справедливости и роста: сравнительное исследование» (Lal, Muir, 1996). Правда, необходимо заметить, что к тому времени он уже пользовался в научных кругах заслуженным уважением как создатель концепции хищнического государства (*predatory state*), которую впервые сформулировал еще в 1984 г. (Lal, 1984).

Лал, по своим взглядам, — сторонник старого, классического либерализма, негативно относящийся к современному экономическому мейнстриму, о чем можно с уверенностью судить не только по его сравнительно недавней, переведенной на русский язык работе «Возвращение невидимой руки: Актуальность классического либерализма в XXI веке» (Lal, 2006; Лал, 2009), но и по его ранее опубликованным трудам, в частности статье «Рынок, мандарины и математики» (Lal, 1987; переизд.: Lal, 1994)³. Приверженность Лала

¹ Индийским экономистом Дипак Лал является по происхождению, но не по гражданству. Он — гражданин США и профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

² Центральное место здесь занимает двухтомная монография «Индийское равновесие» (Lal, 1988–1989).

³ В этой статье Лал решительно отвергает свойственный экономическому мейнстриму взгляд на государство как на благонамеренное существо, целью деятельности

классическому либерализму и, как следствие, свободным рынкам выражается, в частности, в том, что он довольно критически относится к современному Западу, рассматривая его как отступника от собственных либеральных принципов. В этой связи особый интерес представляют его воззрения на причины триумфа Запада, давшего миру современный тип экономического роста и порождающие этот рост институты, а также последующего его упадка, постепенно ведущего к утрате свойственной ему ранее роли безоговорочного лидера в деле экономического развития.

Смогут ли две великие азиатские страны — Китай и Индия — сместить в этой роли Запад? Ответ Лала на поставленный вопрос мы узнаем по мере рассмотрения его взглядов. Однако сразу отметим, что он не демонстрирует активную приверженность модным в последнее время подходам, которые углубляются в количественное прогнозирование темпов роста и ВВП этих стран, в том числе и на десятки лет вперед, вплоть до середины XXI в.⁴ Лал уделяет внимание не столько количественным прогнозам (хотя и

которого является общее благо. В частности, он пишет, что «весь роскошный остов элегантно, усложненной и утонченной теории, которая берет свое начало от Рамсея, Самуэльсона, Мида, Литтла и Даймонда с Мирлизом и восходит к Аткинсону и Стиглицу, строится как таковой на предположении о благожелательном государстве, управляемом платоновскими стражниками, и все больше становится наивным и нереалистичным» (Lal, 1994: 35). Его точка зрения на государство близка к позиции основателей теории общественного выбора (виргинской школы политической экономии) и он развивает ее в упомянутой выше концепции хищнического государства.

⁴ Первым встал на этот путь главный экономист инвестиционного банка «Голдман и Сакс» Джим О'Нил (автор акронима БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай) в 2001 г. (O'Neil, 2001). Эстафету подхватили его коллеги по «Голдман и Сакс» — Доминик Вильсон и Руута Пурушотаман. Согласно их расчетам, китайская экономика должна в 2039 г. догнать экономику США; индийская же экономика — стать третьей в мире (после Китая и США) в течение 30 лет (Wilson, Purushothaman, 2003: 4). Еще более блестящее будущее Китаю и Индии стал предсказывать отец клиометрии (математического анализа истории) и Нобелевский лауреат по экономике Роберт Фогель. В соответствии с его видением, Китай в 2040 г. по величине ВВП втрое превзойдет США (124 трлн. долл. по паритету покупательной способности против 42 трлн. у США), а Индия займет по этому показателю третье место (37 трлн.), опередив при этом страны ЕС более чем вдвое (15 трлн.) (Fogel, 2007: 4). На этом фоне гораздо более умеренным выглядит прогноз аналитика банка HSBC Карена Уарда, согласно которому Китай превзойдет по объему ВВП США лишь в 2050 г. и то ненамного (Китай — 24,6 трлн. в неизменных долларах США 2010 г., США — 22,3 трлн.), а Индия выйдет на третье место, но с большим отставанием (8,2 трлн.) (Ward, 2011: 3). Арвинд Субраманиан из Петерсоновского института мировой экономики (Вашингтон) вывел индекс экономического доминирования как взвешенную величину долей стран в ВВП, мировой торговле и чистом экспорте капитала. По этому индексу, согласно

не сторонится их полностью), сколько влиянию культуры, представлений и мотиваций людей на экономическое развитие. Этому и посвящена его главная, с нашей точки зрения, книга, – «Непреднамеренные последствия» (Lal, 1998; Лал, 2007).

Наиболее спорной работой Лала является «Похвала империи: глобализация и порядок» (Lal, 2004a; Лал, 2010). И это не удивительно, так как в ней демонстрируется авторский взгляд на благотворность империй. Они предстают в его изображении как носители такого общественного блага, как порядок в анархической организации международного сообщества. «Империи обеспечивали мир. Создаваемый ими *Pax* в пределах общего экономического пространства приносил с собой процветание» (Лал, 2010: 177).

Лал отдает **явное** предпочтение либеральным («хорошим») империям, образцом которых для него служит Британская империя на протяжении большей части XIX в. и вплоть до начала Первой мировой войны. *Pax Britannica* создал то, что автор более всего ценит и называет либеральным экономическим мировым порядком (ЛЭМП)⁵. Он призывает США активнее поддерживать *Pax Americana* и, главное, разворачивать его в сторону ЛЭМП, основанном на принципе *laissez-faire*.

В книге «Возвращение “невидимой руки”» (Лал, 2009) автор развивает многие идеи предыдущих работ (Lal, 2000, 2002; 2004) и бросает вызов тому, что называет «новым дирижизмом»: экспансии государства и влияющим на его политические решения многочисленным неправительственным организациям (НПО) под новыми и во многом надуманными предложениями, чаще всего связанными с экологией или политизированными требованиями к производству в третьих странах. Он завершает ее следующими словами:

его расчетам, Китай уже в 2010 г. вплотную подошел к США, а в 2020 г. опередит США при любом из трех рассмотренных им сценариев экономического роста. В то же время в 2030 г. Индия по этому индексу займет третье место, сместив Японию (Subramanian, 2011: 191, 193–194). Совсем недавно появился совместный труд Всемирного банка и Исследовательского центра развития Госсовета КНР «Китай 2030». В нем говорится, что даже если темпы экономического роста снизятся так, как предполагается в докладе, то все равно к 2030 г. Китай сместит США в качестве крупнейшей экономики мира, а его доля в мировой торговле вдвое превысит американскую (China 2030, 2012: 6).

⁵ Лал не устает подчеркивать, что он использует термин «либеральный» не в том значении, которое он приобрел в США. «Под “либеральным” я имею в виду классический либерализм, а не то значение, которое сегодня придается этому слову в политическом дискурсе США, где порой понятие “либеральный” тождественно прилагательному “социалистический”» (Лал, 2010: 177).

В начале 1990-х я написал небольшую книгу о том, какую позитивную роль могут сыграть концепции классического либерализма в искоренении вековой нищеты третьего мира. По целому ряду причин развивающиеся страны начали прислушиваться к этому призыву. Я и представить себе не мог, что сегодня возникнет необходимость донести ту же идею до стран Севера. Однако этого требует нынешнее возвышение «нового дирижизма». Северу пора на деле взять на вооружение принципы классического либерализма, которых он придерживается на словах (Лал, 2009: 342).

В то же время Лал не испытывает оптимизма относительно действенности своих рекомендаций Северу. Он оставляет читателя со следующими словами: «Однако Кассандра охрипла и ей пора менять ремесло» (Там же).

Исходные понятия и методология анализа

В целях получения лучшего представления о проведенном Лалом анализе проблем развития необходимо разъяснить содержание ряда используемых им нестандартных понятий. Начнем с его определений типов экономического роста. Наряду с известными понятиями экстенсивного и интенсивного роста⁶ он выделяет две разновидности последнего: рост смитовского и прометеевского типов (Лал, 2007: 37–39). Первый основан на углублении разделения труда и торговли (институтах, описанных Адамом Смитом), тогда как второй — на замене зависимых от земли органических продуктов минеральным сырьем. Смитовский рост упирается в конечном счете в производственные возможности земли, ее убывающую отдачу (с этим фактом, возможно, и был связан пессимизм Томаса Мальтуса). Однако промышленная революция привела к замене органической экономики (основанной на земле) экономикой, основанной на энергии, получаемой из полезных ископаемых. И эта новая экономика практически не сталкивается с естественными ограничениями роста (по мере необходимости происходит замена одного ископаемого ресурса другим: эпоха угля сменилась эпохой нефти и природного газа).

Что же стало первопричиной поворотного пункта в истории человечества? Почему на смену экстенсивному росту пришел интенсивный рост про-

⁶Напомним, что под экстенсивным ростом подразумевается ситуация, когда темпы роста производства, как правило, не превышают темпы роста населения и, таким образом, душевой доход почти не растет. Поэтому «история мировой численности населения... есть наш единственный источник для оценки масштабов экстенсивного роста на протяжении периода, предшествующего Новому времени» (Лал, 2007: 39). В свою очередь, интенсивный рост означает, что объем производства растет устойчиво быстрее, чем численность населения. «Когда и чем был вызван интенсивный рост — центральная проблема теории экономического развития...» (Там же: 16).

метеевского типа? Для решения этих загадок Лал указывает на огромное значение культуры, которая, согласно ему, «представляет собой неформальный аспект институтов, ограничивающих поведение людей» (Лал, 2009: 224). Давая более развернутую характеристику культуры, Лал прибегает к помощи экологов. В соответствии с их взглядами, человек, в отличие от животных, приспосабливается к изменениям окружающей среды не путем мутаций, а за счет овладения новыми методами выживания в изменившейся обстановке, которые затем закрепляет в виде обычаев. «Эти обычаи и составляют культуру данной группы, которая передается ее новым членам (в основном детям), и им не нужно изобретать эти обычаи заново» (Там же).

Видное место в экономике развития по Лалу занимает понятие социального равновесия, заимствованное им у экономиста Фрэнка Хана, определившего такое как ситуацию, где движимые собственными интересами субъекты не учатся ничему новому и в результате их поведение приобретает рутинный характер. По мнению Лала, подобное рутинное поведение напоминает созданную экологами концепцию обычая (Лал, 2007: 23; 2009: 225). В состоянии равновесия, согласно Хану, экономика «дает субъектам сигналы об отсутствии необходимости менять свои теоретические взгляды или экономическую политику» (цит. по: Лал, 2009: 225). Если цивилизацию ничто не подталкивает к изменениям, то она может на целые столетия застрять в т. н. ловушке равновесия: душевой доход колеблется вокруг некоторой цифры и экономический рост определяется преимущественно увеличением лишь одного фактора производства — количества работников.

Ключевым для теории модернизации Лала, несомненно, является введенное им деление представлений людей на два типа: материальные (как заработать на жизнь) и космологические (как жить)⁷. «Первые относятся к способам обеспечить средства к существованию и являются представлениями о материальном мире, в частности об экономике. Вторая же категория связана с нашим пониманием окружающего мира и места, которое в нем занимает человек, от чего, в свою очередь, зависят представления людей о цели и смысле собственной жизни и взаимоотношений с другими» (Там же: 225–226).

Лал связывает это деление с двумя разновидностями транзакционных издержек. «Первые — это издержки, связанные с поисками потенциальных экономических партнеров и оценкой их потенциала с точки зрения спроса и предложения, а вторые — это затраты на обеспечение выполнения обещаний и соглашений» (Там же: 226). Если материальные представления служат снижению первых, то космологические — вторых. По мере расширения одно-

⁷ Словом «космологические» он заменяет чаще употребляемый в таких случаях другими авторами термин «идеологические».

кратных актов обмена между незнакомыми людьми, требовалось пресекать оппортунистическое поведение (иначе такие акты были бы невозможны), и эту задачу брал на себя некий нравственный кодекс, осуждающий и ограничивающий такое поведение⁸.

Таким образом, можно заключить, что если материальные представления призваны служить снижению транзакционных издержек, связанных с организацией обмена, то космологические представления предназначены для снижения другой разновидности этих издержек, связанных с принуждением к соблюдению договоренностей.

Деление представлений на материальные и космологические послужило в дальнейшем для принципиального разграничения модернизации и вестернизации, неоднократного подчеркивания их нетождественности. «...Модернизация возможна и без вестернизации», — таков главный вывод книги Лала «Непреднамеренные последствия»⁹. «Не-западные общества могут перенимать средства для достижения процветания, не поступаясь своей душой» (Лал, 2007: 208)¹⁰.

Для правильного осмысления этих выводов никак нельзя упускать из виду тот факт, что Лал под материальными представлениями понимает далеко не только и не столько научно-технические знания, как это можно ошибочно понять из используемого им термина. Так, развертывая описание причин возвышения Запада, он определяет эти представления в тот период как то, что можно в сумме назвать прорыночным менталитетом: благожелательное отношение к торговле, частной собственности, предпринимательству. Иначе говоря, — правовое сознание, формирующее благоприятный бизнес-климат.

Отсюда модернизация — это радикальное изменение материальных представлений, открывающее простор рыночной экономике, свободной конкуренции. И поэтому она есть универсальное для всех стран и народов

⁸ «Фактически, одна из главных функций космологических представлений заключается в предоставлении социальных норм, которые делают нас моральными животными вопреки нашим инстинктам» (Лал, 2007: 26).

⁹ Сам Лал так пишет об этом: «Один из главных выводов моей книги “Непреднамеренные последствия” заключался в том, что остальной мир может воспринять материальные ориентиры Запада, способствующие возникновению капитализма, не разделяя его космологических представлений» (Лал, 2009: 27).

¹⁰ «Процесс модернизации — переход от материальных представлений, свойственных аграрной экономике, к материальным представлениям, свойственным промышленной, — означает изменение этих представлений. Космологические представления, напротив, связаны с тем, как люди понимают свое место в мире и свои взаимоотношения с другими людьми. Они связаны с моралью и верованиями, содержащимися в различных религиях» (Лал, 2010: 25).

средство, ведущее к процветанию за счет обеспечения условий устойчивого экономического роста прометеевского типа.

Распространение и закрепление этих материальных представлений, родившихся на Западе, но носящих наднациональный характер, не тождественно распространению западной космологии, которую Лал связывает с индивидуализмом. Можно и нужно перенять прорыночный менталитет Запада (его материальные представления), но не его индивидуалистическую космологию¹¹.

Процесс вестернизации определяется как «принятие западных космологических представлений» (Лал, 2010: 25), которые на самом деле есть не универсальные ценности, а «культурно-обусловленные ценности западного христианства» (Там же). Эти ценности, когда их навязывают другим цивилизациям, вызывают сопротивление. «Весь остальной мир готов к тому, чтобы в процессе глобализации воспринять материальные представления Запада, но он не готов разделить его космологические представления. Незападные страны хотят модернизации, а не вестернизации» (Там же: 26).

Успешным примером такого выборочного заимствования Лал считает Японию¹². И, как мы увидим далее, западный индивидуализм рассматривается им не только как необязательный для рынка атрибут (хотя и способствовавший в свое время, при определенных специфических условиях, прогрессу Запада), но и как то, что постепенно поворачивает Запад против рынка и ведет к его упадку¹³.

Разделение материальных и космологических представлений наиболее рельефно проявляется в противопоставлении экономических и гражданских

¹¹ «...Индивидуализм создал инструменты роста прометеевского типа. Однажды открыв, их можно имплантировать в самые разные общества по всему миру без необходимости для этих обществ перенимать космологические представления, которые привели к созданию этих инструментов» (Лал, 2007: 205). Это, как мы могли убедиться, и еще раз неоднократно убедимся — основа лаловского мировоззрения: в потоке западного влияния можно и нужно брать все полезное и необходимое для рыночной экономики, но оно не включает индивидуализм. Последний можно, образно говоря, сравнить с отработанной ступенью ракеты: потребление услуг выведенного ею на орбиту спутника не требует его перезапуска. Однажды сработав на Западе и создав то, что от него требуется, сам по себе индивидуализм становится ненужным.

¹² «У остального мира есть возможность — и это наглядно продемонстрировала Япония — взять на вооружение материальные представления Запада, необходимые для экономического процветания, не принимая его космологических представлений и не отказываясь от собственной морали» (Лал, 2009: 264).

¹³ Здесь трудно не заметить, что Лал рассматривает роль индивидуализма для судеб Запада подобно тому, как Карл Маркс рассматривает историческую роль пролетариата для судеб капитализма. Капитализм рождает своего могильщика.

свобод, с одной стороны, и политических свобод — с другой¹⁴. Первые более важны и обладают универсальной применимостью. При этом «глобализация одновременно и зависит от классических либеральных, т. е. экономических и гражданских свобод, и способствует их распространению» (Там же: 330). В то же время «политическая свобода, особенно в форме мажоритарной демократии и демократии участия, с точки зрения глобализации может оказаться даже нежелательной» (Там же).

В чем здесь дело? Почему демократия отсоединяется от экономических и гражданских свобод и рассматривается как «даже нежелательная» для успеха глобализации?

Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к сформулированному Лалом определению процесса глобализации. «Глобализация — это процесс создания общего экономического пространства, ведущий к интеграции мировой экономики благодаря все более свободному перемещению товаров, капитала и труда» (Лал, 2010: 15). При этом рассматриваемая «как чисто экономический процесс, глобализация является ценностно нейтральной» (Там же). Глобализация неразрывно связана с распространением экономических и гражданских свобод, которые, по Лалу, также являются ценностно-нейтральными категориями (сферой материальных представлений).

Однако демократия, политические свободы таковыми не являются. «Демократия, расхваливаемая ныне как панацея от всех мировых бед, не обязательно способствует миру и процветанию. Она способствует политической свободе, но последняя является частью космологических представлений культуры, ее политических обычаев» (Там же). Если демократизация входит в противоречие с космологическими представлениями, ее внедрение сопровождается социальными коллизиями, не способствующими успешному развитию¹⁵.

В итоге можно заключить, что выстраивается довольно стройная, хотя, на взгляд многих, и спорная схема (рис. 1). Дуализм представлений отражается в дуализме свобод, оказывающих, в свою очередь, часто противоположное воздействие на глобализацию. Опасность для глобализации вытекает из того, что незападные цивилизации «воспринимают глобальный капитализм как “троянского коня”, орудие вестернизации и насаждения западных нравов...» (Лал, 2009: 242).

¹⁴ «Следует проводить различие, по крайней мере, между экономической, гражданской и политической свободами. Первая относится к свободному рынку, вторая — к верховенству права, а третья связана с демократией» (Лал, 2010: 120).

¹⁵ «Политическая свобода... может быть желательна по самым разным причинам, но если придать ей более высокий приоритет, чем внутренний порядок, то это может нанести ущерб либеральному экономическому миропорядку, спровоцировав то самое внушающее всеобщее опасение столкновение цивилизаций» (Лал, 2010: 120).

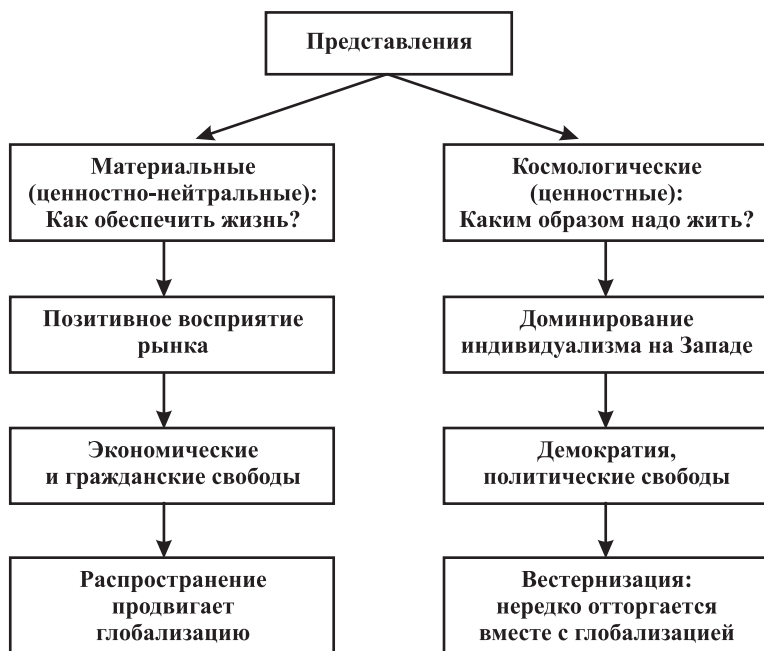

Рис. 1. Представления, свободы и их влияние на глобализацию

Если углубиться в данный Лалом анализ космологических представлений, то они, в свою очередь, также отличаются дуализмом: в той или иной пропорции складываются из индивидуализма и коммунализма (более привычный термин «коллективизм» он не использует, чтобы не возникла путаница с определенным типом экономики, который на Западе принято именовать коммунистическим). Запад, естественно, гораздо более индивидуалистичен, чем остальной мир.

И наконец, обращается внимание на механизмы привития культурных характеристик в процессах социализации. Их тоже два: стыд и вина. Принципиальное различие между ними удачно подчеркивается следующим примером: «В отсутствие Пяницы Робинзон Крузо мог не ощущать стыда, но если он веровал в иудео-христианского Бога, он мог ощущать вину!» (Лал, 2007: 31). Последняя характерна для европейской цивилизации и, естественно, тесно связана с индивидуализмом (ее ведь может ощущать и абсолютно одинокий Робинзон). Стыд же невозможен вне коллектива и результатом социализации посредством него становятся космологические представления, которые описываются как «коммуналистские» (Lal, 2004b: 138).

Лал придает большое значение скорости реакции на сигналы из окружающей среды и на основе ее дифференциации выстраивает следующую последовательность. Быстрее всего на них реагирует рынок, достигая равновесия спроса и предложения. Вторыми по скорости реакции оказываются материальные представления, определяющие организационную структуру, в рамках которой действует рынок (или, как замечает Лал, не действует, если речь идет о централизованно управляемых экономиках). Изменения этих представлений возможны на протяжении жизни одного поколения. И наконец, связанные с космологическими представлениями состояния культурного равновесия, которые меняются медленнее всего. В связи с этой особенностью космологических представлений они «могут сохраняться даже в том случае, если они больше не выполняют никаких функций» (Лал, 2007: 28). И, как следствие, «культурные особенности могут пережить свою полезность» (Там же).

Говоря о влиянии материальных интересов и идей на человеческую деятельность, Лал подчеркивает, что он занимает позицию посередине между «материалистами» и «идеалистами» (Там же: 24). С одной стороны, он неоднократно цитирует известного экономиста XX в. Джона Хикса, который говорил, что «люди будут действовать экономически; когда им представлялась возможность получить выгоду, они не упускали случая ею воспользоваться» (цит. по: Лал, 2007: 32). В частности, Лал пишет, что «межкультурные различия в способах производства, распределения и обмена можно удовлетворительно объяснить вполне стандартными экономическими (то есть материалистическими) факторами» (Там же: 31)¹⁶.

С другой стороны, для него неприемлема позиция чистых материалистов, к которым он относит как марксистов, так и чикагскую экономическую школу. «Но вот ведь какая ирония: начав с одной точки — с “грубого факта” интереса, — в конечном итоге они приходят к различным идеологиям. Разделяя идентичные материалистические взгляды и располагая одними и теми же историческими фактами, они приходят к диаметрально противоположным взглядам на социальную реальность» (Там же: 24). В этом курьезе он видит доказательство разумности своей «срединной позиции».

В любом исследовании проблем развития неизбежно встает вопрос о том, как мир представлений (идеология, культура) соотносится с государственными институтами и экономикой. Материальные (личные) интересы, по Лалу, могут влиять на экономику и политику, но они, как он полагает, не могут объяснить одного — смену политических режимов (Там же: 34).

¹⁶ «...Даже в таких сугубо личных вопросах, как рождаемость, материалистические объяснения превосходят идеалистические» (Лал, 2007: 32).

И здесь самое время остановиться на его учении о государстве, сердцевину которого образует тезис о хищнической природе последнего¹⁷.

Универсальное свойство любого политического устройства — вездесущая хищность государства. Это всего лишь отражение необходимой монополии права на принуждение и неизбежной максимизации чистого дохода, который корыстные правители будут затем выжимать из своих подданных (Там же). Целью этого хищнического государства (как и контролирующей городской район мафиозной группировки) является максимизация чистого дохода, чистой величины награбленного (Лал, 2010: 34)¹⁸.

В то же время сам автор концепции «хищнического государства» признает, что выстроенное им объяснение перемен на основе степени хищничества государства и его ограничений — лишь одна сторона дела. Государство имеет институциональную природу, а институциональные факты — это социальные факты, для которых, «в отличие от природных фактов, наше отношение представляет факт» (Лал, 2007: 34). Можно сказать, что наше отношение к институту отчасти формирует и сам институт. В результате «эти особенности институциональных фактов подразумевают, что любое государство, независимо от того, насколько оно тираническое и хищническое, должно быть основано на некоем всеобщем признании его легитимности населением» (Там же)¹⁹.

Лал в своих рассуждениях опирается на концепцию «легитимности на основе обычая» американского философа Джона Серля (Searle, 1995), и, кроме того, особо выделяет теорию двойных предпочтений экономиста Тимура Курана (Kuran, 1995), согласно которой функция полезности индивида зависит не только от традиционной внутренней полезности, но и от внешней

¹⁷ Лал использует модель «хищник–жертва», применяемую при исследованиях живой природы, для описания ее подобия с отношениями суверена и подданных, где симбиоз отвечает интересам и хищника, и жертвы, но при этом благополучие жертвы не является непосредственной целью хищника.

¹⁸ В упомянутой ранее работе «Индийское равновесие» Лал представил модель хищнического государства, которая обобщает исторические исследования государств, возникавших на Индо-Гангской равнине до появления англичан. Рассматривается она и в книге «Непреднамеренные последствия» (Лал, 2007: 211–221). При этом автор не связывает «хищничество» государств только с недемократическими режимами. Хищническую природу имеет даже демократическое государство, где в роли хищников выступают медианный избиратель и мощные группы интересов (Лал, 2009: 83).

¹⁹ «В конечном счете любое государство, подобно другим институтам, также зависит от общего признания его права управлять» (Лал, 2007: 35).

полезности, под которой понимается мнение других лиц. Под влиянием последнего индивид может быть неискренним в демонстрации своих предпочтений, но стоит общественной поддержке (или, напротив, общественному осуждению) снизиться до какого-то критического значения, как индивид тут же «вытаскивает на свет» свои истинные, до сего момента скрываемые предпочтения²⁰. Это объясняет резкие и часто непредсказуемые перемены общественного мнения, например, такие, что имели место в период краха социализма в 1989–1991 гг.

Согласно позиции Лала, и материальные, и космологические (включающие общественное мнение) представления влияют на политическое устройство, но последние («взгляд на мир») имеют большее влияние. «Политические предпосылки капитализма... — пишет он, — должны были иметь культурные предпосылки» (Лал, 2007: 36).

В целом же концепция Лала построена на многосторонних взаимозависимостях. В ней все зависит от всего. Он постулирует: «Существует система общего равновесия, определяющая политические и экономические результаты, в которой взаимодействуют обеспеченность факторами производства, два компонента культуры и политическое устройство. Все зависит от всего остального в том смысле, в котором мы привыкли в экономической теории» (Там же).

Тем не менее, есть основания предположить наличие в логике Лала следующей последовательности: изменения в материальной среде (обеспеченность факторами производства, технологические и торговые возможности) влияют как на аспекты материальной культуры (материальные представления), так и на космологию, а последняя, в свою очередь, в большей степени влияет на политическое устройство, чем первые. Политическое устройство (степень хищничества государства) оказывает обратное воздействие на материальную среду, освобождая или, напротив, подрывая возможности роста прометеевского типа. Эта логика рассуждений схематически изображена нами на рис. 2.

Пожалуй, не найдется ни одного исследователя, который так или иначе не касался бы в своих трудах проблем развития и при этом не пытался найти ответ на вопрос: почему именно Запад стал движущей силой развития земной цивилизации? Не обходит его стороной, естественно, и Лал. Он констатирует, что «интенсивный рост прометеевского типа остается европейским чудом», но в то же время замечает, что «парадоксальным образом сами представления, породившие рост прометеевского типа, в конечном счете могли разрушить скрепы общества в этой цивилизации» (Лал, 2007: 89).

²⁰ В приложении Лал знакомит читателя с моделью двойных предпочтений и общественного мнения, разработанной Кураном (Лал, 2007: 221–225).

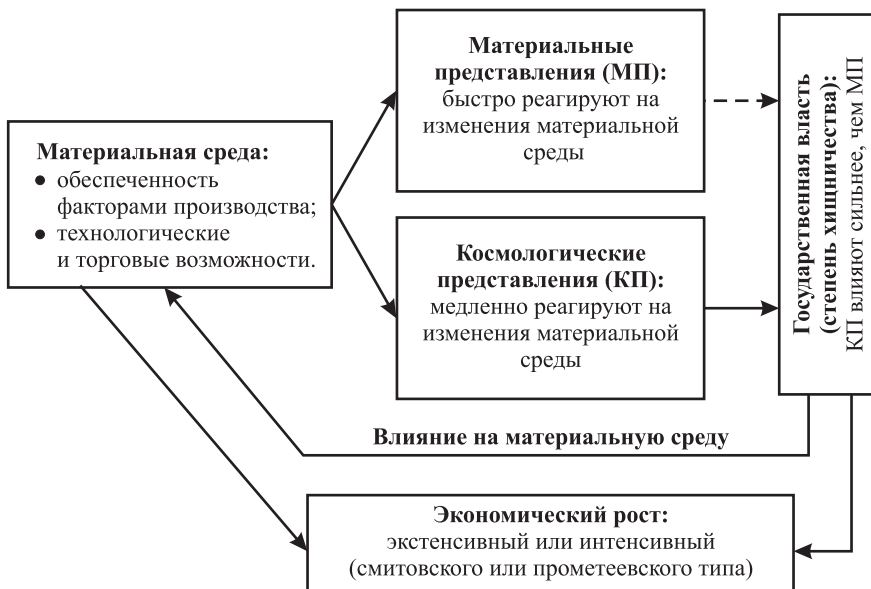

Рис. 2. Экономическое развитие и его источники по Лалу

Почему Запад?

Лал рассматривает как материалистические, так и институциональные основания возвышения Запада. Первые истолковываются в терминах обеспеченности факторами производства и технологиями. В период господства Рима выделялись географические обстоятельства: различия в обеспеченности факторами производства территорий вокруг Средиземного моря сделали торговлю двигателем интенсивного роста смитовского типа. Нехватка рабочей силы в средние века породила специфику европейского феодализма: неизвестное на Востоке взаимное признание квазиюридических прав и обязательств. Со временем перемены в сельском хозяйстве и начало промышленной революции ликвидировали эту нехватку, что привело к исчезновению крепостничества. Промышленная революция превратила традиционные органические аграрные экономики в промышленные, основанные на минеральном сырье, что сделало интенсивный рост прометеевского типа нормой для Запада (Там же: 90–91).

Что касается институциональных основ возвышения Запада, то Лал выделяет четыре обстоятельства (Там же: 92–93).

1. Важность городов-государств в создании благоприятного климата для купцов и коммерции.

2. Развитие коммерческого договорного права, позволявшего заменить сделки, основанные на доверительных связях, на сделки между независимыми сторонами²¹.

3. Признание государством прав частной собственности. При этом в отличие от Востока укрепление абсолютизма сопровождалось не снижением экономической гарантированности собственности, а, напротив, ее укреплением, движением в сторону всеобщих прав на частную собственность.

4. Постепенная трансформация «греческого духа любознательности» в повседневную практику науки.

Относительно последней нужно заметить, что Лал, говоря о том, что в ней заключен и в какой-то мере решающий фактор возвышения Запада, тем не менее выступает против концепции Джозела Мокира, согласно которой различия в технической креативности являются конечным объяснением различий в богатствах народов (Мокур, 1990; 2000). По Лалу, главное — не констатировать это очевидное различие, но найти его причину. Исключительная техническая креативность Запада видится ему как порождение его уникальной особенности — индивидуализма. Однако почему индивидуализм возник только на Западе? «Роль, которую в этом сыграло западное христианство, наиболее принципиальная, но ее удивительным образом не заметили экономические историки!» (Лал, 2007: 242, примеч.).

И теперь есть все основания перейти непосредственно к рассмотрению концепции Лала о представлениях Запада, сформированных как результат двух папских революций. Индивидуализм Лал связывает с первой папской революцией, свершенной еще в VI в. папой Григорием I (Григорием Великим). Она касалась семейных отношений²².

Папские запреты VI в. увеличивали число бездетных, снижали количество наследников (в том числе наследников мужского пола), сужали семьи, мешали им сохранить собственность и способствовали отчуждению ее в пользу церкви. «Церковь стала непревзойденным участником гонки за наследством» (Там же: 106). Этот вид церковной «погони за рентой» имел те самые непредвиденные последствия, которым и обязано заглавие его книги.

²¹ В этом плане обращает на себя внимание известное сравнительное исследование Анвара Грейфа, который показал, как генуэзцы, развившие формальное правовое и политическое принуждение к соблюдению контрактов, превзошли своих конкурентов из Магриба, которые опирались на традиционные семейные контакты и неформальные экономические санкции (Greif, 2006).

²² Августин, первый архиепископ Кентерберийский, в 597 г. послал гонцов в Рим, к папе Григорию I, с целью получить совет по некоторым вопросам. Четыре вопроса касались проблем семьи и брака. В ответах Григория I запрещалась традиционная для той поры практика браков с различными близкими родственниками; усыновление, полигиния, развод и повторный брак также были запрещены.

Именно в то время были заложены основы западной нуклеарной семьи, ослаблена власть главы семейства над родственниками (и в первую очередь его право соединять их брачными узами). Церковь поощряла браки по любви, так как они вкупе с названными запретами повышали вероятность завещания ей нажитого имущества²³. И в этом самостоятельном выборе партнера по браку Лал видит исток западной космологии в виде индивидуализма. «Поддерживая независимость молодежи в выборе брачных партнеров, в устройении их собственных домохозяйств и вступлении скорее в договорные, чем в эмоциональные отношения при заботе о стариках, эта система способствовала появлению индивидуализма» (Там же: 110).

Выделение поколений в отдельные семьи позволяло старшему поколению лишать детей наследства (например, завещать имущество в пользу той же церкви), но при этом младшее поколение тоже могло подвергнуться санкциям старшее — лишиться услуг по уходу. Эту функцию тогда церковь брала на себя. Возникали и примитивные государственные услуги по общественному призрению. Их появление относят еще к XII–XIII вв. Таким образом, если на Востоке функции социального страхования оставались (и во многом еще до сих пор остаются) внутрисемейными, то на Западе уже в средневековье наблюдаются зачатки государства всеобщего благосостояния. И они, как бы это не выглядело странно на первый взгляд, являются результатом индивидуализма.

В то же время, хотя именно жадность церкви разрушила евроазиатскую систему брака, державшую страсть под контролем, церковь же нашла и противоядие, разделив любовь и секс.

Всепроникающее христианское учение, направленное против секса, основанное на концепции первородного греха и порождаемой им неизбежной вины, было необходимым противоядием от «животных страстей», которые в противном случае высвобождал своекорыстный подрыв Церковью традиционной евроазиатской системы брака. Но, поскольку смертные грехи включали не только похоть, вина, связанная с бытием в греховном Адаме, тоже была мощным средством поддержания социального контроля (Там же: 115).

При этом Реформация только усилила влияние этой культуры вины (Там же).

Итак, культура индивидуализма, высвободив креативность, творческую энергию стала источником материального и научного триумфа Запада. В то же время личное чувство вины и осознание собственной греховности с рож-

²³ Уместно вспомнить, что в драме Шекспира «Ромео и Джульетта» именно фра Лоренцо поощряет их поведение, направленное против воли их семей. Экономисты, следуя своей излюбленной терминологии, могли бы назвать это подстрекательство к самостоятельному выбору «эффектом фра Лоренцо».

дения поддерживали личную этику (воздержание от всех смертных грехов, не только похоти) из страха перед чистилищем. Они рассматриваются Лалом как социальные скрепы западного общества. Эти «скрепы» уникальны (в том смысле, что присущи только Западу) и держатся исключительно на вере в бога. Стоит ей серьезно ослабнуть, как «моральный кодекс» Запада рушится, поскольку Григорий I подорвал характерные до той поры и сохраняющиеся и поныне в Азии моральные нормы, основанные на чувстве стыда.

Для обогащения католической церкви последствия первой папской революции были самыми благоприятными. Лал отмечает, что, по оценкам демографов, примерно 40 % семей оставались без прямых наследников по мужской линии, а имущество, которое нельзя было передать по наследству, как правило, завещали церкви (благодаря все тому же чувству вины, изначальной греховности земного существа). Ее собственность росла феноменально (Лал, 2009: 230).

Таким образом, «индивидуализм возник как непреднамеренное последствие жажды наживы со стороны Римской Католической Церкви» (Лал, 2007: 204), т. е. он имеет чисто материальное происхождение²⁴. В то же время «он был чистой исторической случайностью». «Индивидуализм, которому она (католическая церковь. — А.З.) непреднамеренно способствовала, является уникальным космологическим представлением Запада. Остальной мир был и остается коммуналистским» (Там же).

Стремительное обогащение церкви породило и охотников за церковным имуществом (из числа как светских правителей, так и алчных клириков). И тут на помощь пришла вторая папская революция, свершенная в 1075 г. Григорием VII. Он издал буллу, в которой, следуя концепции, идущей еще от «Града божия» св. Августина, вознес церковную власть над светской. Церковь была поставлена выше государства. Поддерживала она свою власть через угрозу отлучения. «Для компенсации своей слабости в этом мире она использовала власть над загробным миром» (Там же: 107).

В результате имущество церкви стало неприкасаемым, а глубокая вовлеченность ее в мирские дела потребовала создания всех правовых и инсти-

²⁴ Виргинская школа политической экономии сравнивает Римскую средневековую церковь с современной корпорацией М-формы: таковая состоит из большого числа полуавтономных единиц, которые контролируются преимущественно установлением финансовых целей из центра. «Организация церкви была организацией корпорации М-формы с папой в качестве генерального директора (СЕО), папской камерой в качестве финансового отдела, директорами во главе (курии и кардиналы) и географически рассредоточенными нижними розничными подразделениями. Главной задачей верхнего эшелона церкви было поставлять доктрины и догмы, определяющие важнейшие принципы членства (например, интерпретации святых текстов), и собирать поступающие в нижние подразделения ренты» (Ekelund, 2004: 387).

туциональных атрибутов, которые до сих пор служат рыночной экономике. Со временем церковью была создана «вся важнейшая правовая инфраструктура современной коммерческо-промышленной экономики!» (Там же: 103). Церковь-государство, преследуя свои выгоды, строилась как правовое государство. Постепенно ее установления заимствовали и светские государства. Экономисты-институционалисты сегодня сказали бы, что светские государства импортировали сформированные церковью институты²⁵.

В результате второй папской революции права собственности, рынок и торговля получили, можно сказать, божественное благословение. «Папская революция Григория VII разорвала путы, сковавшие базовый “инстинкт торговли”, а со временем изменила и традиционные евразийские материальные ориентиры, основанные на подозрительном отношении к рынку и торговцам» (Там же: 230). Рынок со всеми необходимыми ему установлениями становился органической частью материальных представлений европейцев.

В итоге картину папских революций и их последствий можно наглядно представить следующим образом (рис. 3). Стремление к наживе Римской католической церкви (РКЦ) привело к «семейной революции» Григория I (первой папской революции). Преднамеренным последствием стал рост церковных богатств, непреднамеренным или побочным — индивидуализм в космологических представлениях европейцев. Церковные богатства стали предметом зависти и покушений. Ответом на них, как известно, была правовая революция Григория VII (вторая папская революция). Преднамеренным ее последствием стали гарантии сохранения церковной собственности, непреднамеренными — формирование благоприятных для развития рынков материальных представлений в обществе, распространение правового режима вири (в мир, за пределы церкви) и в конечном счете экономический рост принципиально нового типа.

Правовые институты, учрежденные второй папской революцией, таким образом, и привели к тому, что Лал неоднократно называет «европейским чудом». С XI века начинается история «великого расхождения» западной и восточной цивилизаций: первая в конечном итоге породила промышленную революцию и интенсивный экономический рост протемпеевского типа, вторая же оказалась на века в состоянии застоя, которое (применительно к Индии и Китаю) Лал определяет как «ловушку равновесия на достигнутом уровне» (Лал, 2007: 29–30).

²⁵ Лал замечает, что многие свойственные капитализму институты возникли еще до революции Григория VII, но «эти институты не пользовались правовой защитой со стороны государства, которое чаще всего рассматривало предпринимателей как “дойных коров” для осуществления собственных хищнических устремлений» (Лал, 2009: 23).

Рис. 3. Папские революции и их последствия

А что Восток?

Восток — это все, что не-Запад. Лал, конечно, почти не касается Африки и Латинской Америки²⁶, но зато довольно обстоятельно рассматривает

²⁶ Кратко свою точку зрения на проблемы Африки и Латинской Америки Лал высказал в книге «Возвращение “невидимой руки”». Согласно ей, у африканцев отсутствует противоречие между космологическими и материальными представлениями, характерное для Азии. Однако тормозом развития являются «сырьевое проклятие» и деструктивные действия хищнических националистических элит, унаследовавших искусственно созданные колонизаторами государства. Для Латинской Америки также актуальна проблема «сырьевого проклятия», но к ней примешивается еще «фундаменталистский универсализм», унаследованный от испанских и португальских конкистадоров. Если североамериканцы ведут дискуссии по сравнительно приземленным политическим вопросам, то латиноамериканцы склонны вести борьбу вокруг принципиально различных политико-экономических концепций (демократия–авто-

Индию, Китай и исламские страны. Походя он касается восточного христианства и России, но, по понятным причинам, в этом случае его воззрения для нас представляют особый интерес.

Православие и Россия. Лал обращается к анализу православия прежде всего для того, чтобы подтвердить свою главную идею: собственному возвышению Запад обязан не христианству как таковому, а в первую очередь двум папским революциям, породившим, соответственно, индивидуализм и институты рыночной экономики.

Он очень четко сформулировал главное различие между греческой и латинской ветвями христианства: «Если папская революция латинской церкви стремилась отдать и Богово, и кесарево Богу, то ее греческая сестра согласилась с тем, чтобы предоставить и кесарево, и Богово кесарю» (Лал, 2007: 117–118).

Если латинская церковь обожествляла саму себя, то греческая — светскую власть. «На императора следовало смотреть как на живой образ Христа, наместника Бога на Земле» (Там же). Историки именуют эту установку восточного христианства «цезарепапизмом».

Лал отмечает, что разрыв с латинской церковью означал недоступность результатов папских революций для России и, как следствие, ее «подозрительность» к Западу. Он указывает на то, что восточный феодализм отличался от западного перераспределительным земледелием (имеется в виду перераспределение сельскохозяйственных земель в крестьянских общинах в России). Вспоминает о повторяющихся паттернах догоняющего развития России по отношению к Западу. Первые два (при Петре I и Александре II) были подражанием плодам западного индивидуализма, третий (при Сталине) состоялся на импорте с Запада набравшей популярность марксистской мысли.

Лал отмечает обращение России в 1990-е гг. к индивидуалистическим и либеральным традициям Запада, но при этом указывает на возрождение старого спора между западниками и славянофилами (линиями Андрея Сахарова и Александра Солженицына) (Там же: 118–120).

ритаризм, капитализм–коммунизм). Каждый раз перемена интеллектуальной моды напоминает обращение в новую веру. Диссонанс между реальным социальным неравенством и эгалитарными космологическими представлениями порождает цикличность развития — колебания между демократическим популизмом и авторитарными ре-прессивными режимами. Только две страны (в Африке — Ботсвана, в Латинской Америке — Чили) сумели выйти из характерных для большинства стран их континентов тупиков (Лал, 2009: 258–260).

Поскольку в книгах Лала России уделяется не так много внимания, как Индии и Китаю, то стоит обратиться к написанному им в 2008 г. предисловию к русскому изданию его работы «Возвращение “невидимой руки”» (Лал, 2009). В нем он рассуждает уже о «путинской России».

Лал высоко оценивает книгу Егора Гайдара «Гибель империи» (Гайдар, 2006), но при этом не разделяет оптимизма Гайдара в отношении будущих перспектив перехода России к демократии по тайваньскому сценарию, о которых пишет российский реформатор. Вариант, согласно которому в результате роста уровня ВВП и развития среднего класса требования политических свобод в России непременно возникнут в будущем, оценивается как возможный, но маловероятный (Лал, 2009: 11).

Для него гораздо ближе точка зрения Дмитрия Тренина, высказанная в работе «Понимать Россию правильно» (Trenin, 2007). Она заключается в том, что Россией и дальше будет править «царь» и весь вопрос в том, будет ли этот «царь» плох или хорош. Как пишет сам автор «Возвращения “невидимой руки”», это отвечает и его пониманию космологических представлений России.

В то же время Лал не разделяет оптимизма Тренина относительно того, что принятие капитализма Россией необратимо (в терминологии Лала — революции в материальных представлениях россиян). История российского успеха зиждется на сырьевой экономике со всеми вытекающими из нее проблемами. Не забывает он и демографические беды России. В итоге устойчивость российского экономического «чуда» вызывает у него сомнения (Лал, 2009: 11).

Лал предлагает оригинальный способ решения российских проблем («сырьевого проклятия», демографических и даже политических). Он считает, что сдача Сибири «в аренду» Китаю в обмен на долю сырьевых доходов «позволит России в конце концов избавиться от несбыточной “имперской мечты”, порождающей авторитаризм, и стать “органичным” европейским государством, возможно, даже либерально-демократическим» (Там же: 12–13).

«России, — как полагает Лал, — необходимо взять на вооружение англосаксонскую модель капитализма. Для этого ей необходимо создание правовой инфраструктуры, обеспечивающей верховенство транспарентного и беспристрастного закона. На Западе она создавалась со времен правовой революции папы Григория VII в XI веке, но в России эта революция не состоялась из-за раскола христианства на католическую и православную церкви» (Там же: 13).

Будущее России Лал связывает с «хорошим царем». «Если из-за своих космологических представлений Россия предрасположена к той или иной форме “царизма”, остается лишь надеяться, что вскоре ее возглавит “добрый царь”, который воплотит в жизнь... принципы классического экономического либерализма» (Там же). Этой надеждой на «русского Пиночета» ограни-

чивается его видение возможностей позитивных перспективных изменений для России.

Индия. Вернемся из современной России в давние времена и переместимся на Индостанский полуостров. Кастовая система начала складываться задолго до нашей эры, и в итоге она оказалась чрезвычайно устойчивым социальным образованием, которое остается очень влиятельным рудиментарным институтом и в Индии наших дней.

В условиях политической нестабильности (вражды многочисленных монархий) кастовая система эффективно решала проблемы устойчивого предложения дефицитной относительно земли рабочей силы в сельской местности на равнинах. Однако в предгорьях Индии имели место как другая организация хозяйства, не требовавшая массового привлечения рабочей силы, так и выросшие из племенной организации древние республики, активно сопротивлявшиеся кастовой системе. Это сопротивление носило не только военный, но и идеологический характер (буддизм и джайнизм были антикастовыми религиозными движениями). Только в IV в. н. э. с падением республики Ликхави кастовая система одерживает окончательную победу на всем полуострове.

Эта система, составлявшая базовую социальную структуру Индии, очень напоминала пчелиный улей или муравейник. Касты складывались на основе взаимодополняющих профессий при наличии узкой специализации²⁷. Их члены не делились друг с другом секретами мастерства (кастовый кодекс запрещал такое общение). Издержки остракизма за нарушение данного кодекса превышали все возможные потенциальные выгоды от межкастового арбитража на рынке труда. Поэтому если бы какая-то угнетаемая группа захотела, например, покинуть деревню, то ей не удалось бы это даже просто в силу отсутствия комплементарных навыков. Пришлось бы «вербовать» и членов комплементарных каст, но вряд ли представители каст с более высоким статусом захотели бы перемещаться в неопределенность (Лал, 2007: 48). Вертикальная мобильность индивида в такой системе возможна была только в случае продвижения вверх в социальной иерархии касты в целом (Лал, 2004b: 132).

²⁷ Общеизвестно деление индийского общества на четыре широкие касты: брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшьи (торговцы) и шудры (работники и сельское крестьянство). Однако для понимания социальной организации индийского общества и устойчивости кастовой системы гораздо важнее обратить внимание на наличие множества подкаст, в первую очередь внутри последней из широких каст. «Реальной тканью индийского общества было переплетение иерархически организованных подкаст» (Лал, 2007: 46–47).

Лал выделяет, наряду с кастовой системой и сельской общиной²⁸, и третью опору индийской социальной системы: расширенную семью. «Базовой единицей социальной системы была семья, а не индивид» (Ibid.: 50). При этом индийская правовая система была иерархической и холистической.

Материальные представления Индии не способствовали становлению рыночного хозяйства.

Базовый человеческий инстинкт торговать был бы также разрушителен для оседлого земледелия. Торговцы мотивированы инструментальной рациональностью, которая максимизирует экономические преимущества. Это угрожало бы коммунальным связям, которые все аграрные цивилизации пытались пестовать. Не удивительно, что большинство из них смотрело на купцов и рынки как на необходимое зло и стремилось подавлять первых вместе с рынками, являющимися их институциональным воплощением. Материальные представления аграрных цивилизаций, таким образом, не благоприятствовали современному экономическому росту (Ibid.: 138).

Благоприятное влияние империй на благосостояние населения Индостана связывается как раз с тем фактом, что они способствовали торговле. «Основной причиной процветания империй было то, что они обеспечивали порядок и законность на субконтиненте, которые позволяли развиваться торговле на дальние расстояния, а их распад обычно сопровождался упадком торговли и коммерции» (Ibid.: 130). Однако с империями Индии не очень везло: из 23 столетий (начиная с 300 г. до н. э.) на них приходилось лишь 8 (Ibid.).

Индия достигла своего расцвета после объединения под власть династии Маурья в III в до н. э. и к началу нашей эры была, вероятно, самой богатой и многонаселенной из всех империй. Ее душевой ВВП составлял \$551 в пересчете на доллары США по курсу 1990 г. После этого он колебался вокруг этой цифры на протяжении двух тысячелетий (до конца XIX в.) (Лал, 2009: 29). «Ловушка равновесия» оказалась очень растянутой во времени.

Модернизация Индии началась исключительно как результат британского влияния.

Вопреки националистической агиографии, я не нашел никакого свидетельства тому, что в средневековой Индии существовали какие-либо локаль-

²⁸ Сельская община в Индии была также чрезвычайно устойчивым образованием. Члены общин не участвовали в множественных политических конфликтах. Это был удел профессиональных воинов — кшатриев. Общины же платили примерно такую же дань победителю, как и ранее побежденному правителю. Можно сказать, что смены правителей если и отражались на их благополучии и образе жизни, то весьма незначительно.

ные перспективы возникновения роста прометеевского типа, якобы блокированного британским колониализмом. На деле именно под эгидой Британии Индия стала одним из первопроходцев индустриализации в «третьем мире». Но из-за старинного предубеждения против торговли и коммерции, а также из-за давнишнего предубеждения брахманов против рынка эти возможности были не реализованы (Лал, 2007: 54).

Выделяются два важнейших момента правовой модернизации, принесенной в Индию Великобританией. Во-первых, это разделение судебной и исполнительной функций правительства; оно позволило развиваться демократии, а кроме того, несмотря на коррупцию и проволочки, появилась западная правовая традиция, регулирующая торговлю и договоры. При этом поощрялось и продвигалось британское образование среди подданных. Во-вторых, упор на равенство всех перед законом в британской правовой традиции вел к подрыву тесно взаимосвязанных ценностей иерархии и холизма. Против иерархии были направлены новые правовые нормы, которые полностью игнорировали любые различия, вытекающие из кастовой системы. Против холизма работало признание индивида, вместо семей, подкаст и каст, единственным элементом правовой и административной системы. При всех трудностях и недостатках «правовая инфраструктура прививалась, и это представляет собой полную противоположность другой древней цивилизации — Китаю» (Там же: 51–52).

Что касается космологических представлений индусов, то здесь Лал выделяет две особенности. Первая — это различие власти и статуса (иерархически брахман располагался выше кшатрия); вторая — это представление о спасении, которое, в отличие от китайского, всегда было личным. В этом индуистская концепция имела больше общего с западным представлением о спасении, чем с китайским. Однако индивидуализм западного типа в индуизме был немыслим²⁹.

И наконец, немаловажно взглянуть на особенности процесса социализации в индийском обществе. «Главное отличие процесса социализации

²⁹ Лал здесь цитирует английского антрополога Эрнеста Геллнера, который указывает на невозможность индуистского Робинзона Крузо. «Индуистский Крузо был бы явным противоречием. Ему суждено пожизненное осквернение: если он жрец, то изоляция и вынужденное самообеспечение вынуждают его производить унижающие и оскверняющие его действия. Если он не жрец, он обречен ввиду своей неспособности исполнять обязательные ритуалы» (цит. по: Лал, 2007: 58). В этом сравнении, на наш взгляд, максимально наглядно демонстрируется неполноценность каждого индуса в отдельности в качестве автономного индивида. Подобно вырванной из роя пчеле, он представляет недееспособную часть целого и способен выжить, только вернувшись в рой.

(и соответствующего процесса внедрения интернализированной этики) от такого же процесса в семитических религиях состоит в том, что он основан на *стыде*, а не *вине*. Индийское общество всегда было «обществом стыда» и остается таковым» (Там же: 58).

Kumai. Говоря об историческом прошлом Китая, Лал отмечает только один период, когда наблюдался интенсивный рост. Это была эпоха династии Сун (XI в.), и связан он был с аграрной революцией, произошедшей в результате экспансии в южные земли долины Янцзы и развитием новой технологии выращивания риса на затопляемых полях. Затем последовали бедствия, порожденные монгольским нашествием, и между 1400 и 1800 гг. интенсивный рост прекратился. В указанный временной отрезок продолжительностью в 400 лет «рост численности населения был движущей силой умеренного экстенсивного роста при стагнирующем душевом доходе» (Лал, 2007: 59).

В Китае, как и в Индии, существовала потребность привязать относительно дефицитную рабочую силу к земле. Такая же проблема, как известно, имела место и в средневековой Европе. Однако сложившаяся в Китае мануриальная система принципиально отличалась от европейского аналога. Причину этого отличия Лал видит в политическом устройстве.

В европейской феодальной системе «увязанные друг с другом права и обязанности предоставили определенную степень автономии различным субъектам политической и экономической жизни, что в огромной степени облегчило последующий подъем Запада» (Там же: 60). В Китае же, напротив, поддерживалось централизованное имперское единство, так как «у китайского государства было достаточно собственных ресурсов для обеспечения централизованной обороны» (Там же).

Лал, как и все исследователи Китая, пытается объяснить парадокс, который на Западе назван «проблемой Нидхэма» (по имени известного китаеведа). Дело в том, что в эпоху династии Сун в Китае имелись все необходимые компоненты для старта промышленной революции, которая произошла на Западе восемь веков спустя. Наиболее убедительное объяснение этого парадокса он находит в работах исследователей, связывающих его с созданием конфуцианского чиновничества — мандаринов. Именно на них была возложена ответственность за реализацию официальной доктрины, гласящей, что император «должен рассматривать Империю, как если бы она образовывала одно домохозяйство» (Там же: 63). В то же время и «большинство китайцев полагало, что накопление огромного частного богатства от торговли и промышленности глубоко аморально» (Там же), и в результате официальная идеология и народная психология «одновременно действовали в направлении укрепления преимуществ, которые чиновники имели в любом столкновении всего лишь с богатыми людьми» (Там же).

Лал называет это формой «хищнического партнерства между правительством и бизнесом», применяет к эпохе династии Сун современный термин «клановый капитализм» (*crony capitalism*). При этом он отмечает, что тогдашняя неудача в обуздании «хищнических рентиориентированных инстинктов государства» оставляет место для сомнений относительно достаточности сегодняшних изменений с тем, чтобы предотвратить повторение подобного исторического цикла (Там же)³⁰.

Тремя чертами китайской цивилизации Лал называет оптимизм, примат семьи, бюрократический авторитаризм. Институциональным базисом социализации была семья. «Для китайцев семья тысячелетиями была единственным институтом, заслуживающим доверия» (Там же: 67), при этом семья патриархальная, состоящая из представителей разных поколений, связанных не только родственными узами, но и оказанием взаимных услуг.

По всей видимости, китайское общество — действительно одно из самых «государственнических» на Земле. Лал ссылается на утверждение одного из исследователей Китая о том, что не просто китайское государство, а само понятие «китаец» есть творение бюрократии. Различное по этническому составу население было объединено как «хань» через изобретенный бюрократией иероглифический способ написания имен (Там же: 65).

Китайская цивилизация знала, в сущности, одного бога — государство. «Религия китайских правящих классов — китайское государство» (Там же). В нем «...бюрократия достигала каждого села, мобилизуя людей на принудительный труд и военную службу, управляя гулаговской экономикой с работниками, находящимися постоянно или временно в положении государственного раба...» (Там же: 247, примеч.). Не удивительно, что в таком социуме торговый класс «не имел ни престижа, ни какой-либо правовой автономии, которые могли бы привести к возникновению капитализма» (Там же: 246–247, примеч.).

Неоднозначно влияние конфуцианства на восприятие рынка китайским обществом. Существует мнение, что оно выступало только против нечестного богатства, добытого несправедным путем. Однако «коммунистическая партия перевела это конфуцианское презрение к парвеню в установку, направленную против рынков и торговцев» (Там же: 67). И в целом отмечается историческая преемственность государственности в Китае, где «коммунистическое государство во многом является переосмысленной бюрократической монархией...» (Там же: 68).

³⁰ Возможно, эти сомнения автора связаны с тем, что в 1998 г. траектория будущего развития Китая как рыночной экономики не казалась столь определенной, как почти 15 лет спустя.

Индия и Китай: на путях модернизации. У этих двух великих держав определенно есть общее. «"Вскрытые" западным оружием, эти гордые цивилизации с тех пор стараются поправить нанесенный их самолюбию ущерб, пытаясь обрести паритет военной мощи, чтобы предотвратить любые будущие унижения» (Лал, 2007: 151).

Лал выделяет три пути, по которым может пойти реакция на столкновение с западной цивилизацией (Лал, 2009: 242–243). Первый означает принятие материальных представлений Запада, без заимствования западных космологических представлений. Он ассоциируется прежде всего с Японией (революция Мэйдзи). Второй — «замыкание в себе» из опасения, что модернизация подорвет традиции. В современном мире он наиболее ярко представлен исламским фундаментализмом; в Индии же его отстаивал Махатма Ганди с последователями, а до недавнего времени и индуистская националистическая Бхаратия Джаната Парти предпочитала этот вариант. Третий путь связан с поисками «золотой середины» между традициями и современностью. В этом случае речь идет о той или иной форме социализма. Этот путь стал характерным для Индии и Китая.

Однако социализм социализму — рознь. В основу экономической политики Индии легли фабианские социалистические воззрения. В эпоху Джавахарлала Неру была создана «дирижистская планово-командная система» (Там же: 244). В Китае же социализм советского типа (коммунизм) породил «еще более экстремальный, по сравнению с индийским, вариант стратегии модернизации — интровертной, основанной на развитии тяжелой промышленности» (Там же: 246). В Индии, в отличие от Китая, не было коллективизации, крестьянских коммун (хотя сельское хозяйство и в Индии во имя индустриализации дискриминировалось в плане налогообложения) и не проводилась политика «большого скачка», приведшая Китай к настоящей катастрофе.

При этом обе страны следовали автаркической торговой политике. В результате все в большей степени обрубалась взаимосвязь между внутренними и мировыми относительными ценами. Это пагубно сказалось на эффективности и производительности, показатели двух экономик существенно отставали от их потенциала. Однако в обеих странах автаркические плановые хозяйственные системы отвечали «атавистическим культурным установкам» (Лал, 2007: 161).

Что вызвало отказ от следования этим установкам? Что заставило пойти по пути реальных и глубоких реформ? Только ли провалы экономической политики? Ссылаясь на последние, Лал не дает иных объяснений.

Впрочем, из описанных им особенностей китайской космологии следует, что обожествление государства не распространяется на конкретную династию в случае серьезных неудач правления. Она утрачивает «мандат неба», и замена ее на новую выглядит вполне оправданно в глазах общественного мнения. Так

что передача «мандата неба» реформаторам после губительных экспериментов Мао Цзэдуна вряд ли сильно выбивается из китайской традиции.

Что же касается Индии, то здесь Лал отмечает три обстоятельства, подтолкнувшие ее отход от дирижизма. Во-первых, острый валютный кризис середины 1960-х гг., который заставил индийских экономистов по-иному оценить ее ориентацию на собственные силы. Во-вторых, реакция на неоклассическое возрождение в 1970-е гг., которое поставило под сомнение интеллектуальную базу т. н. экономики развития. В-третьих, наиболее важным Лал считает тот демонстрационный эффект, который для Индии имели реформы Дэн Сяопина, переход Китая от плана к рынку (Lal, 2008: 14)³¹.

В процессе реформ Индия и Китай сталкиваются во многом со сходными проблемами. Правда, решаются они по-разному. В Китае получившие образование на Западе «новые мандарины» ищут способы демонтировать остатки прошлого — убыточные государственные предприятия. В Индии политики далеко не столь решительны; многие из них до сих пор привержены дирижистской политике и блокируют решения о приватизации.

Впрочем, возможно, это объясняется тем, что в Китае последствия перекачки средств в неэффективный госсектор могут оказаться гораздо хуже. Лал приводит в качестве иллюстрации следующие цифры: уровень накоплений в Китае примерно вдвое превышал индийский, а разрыв между темпами экономического роста в пользу Китая был не так велик. Дело в том, что 90 % накоплений китайцы держат в госбанках, которые, в свою очередь, передают их в виде политически мотивированных кредитов низкоприбыльным и убыточным госпредприятиям³². Для Китая избавление от растрат

³¹ Вполне вероятно, что этот «демонстрационный эффект» китайской истории успеха продолжает играть для Индии немаловажную роль. В докладе «Китай 2030» констатируется, что в последние три декады китайская экономика росла в среднем на 10 % в год, 500 млн. человек за это время были избавлены от нищеты. Являясь в настоящее время второй после США экономикой мира, занимает первое место в мире по доле в мировой торговле и промышленному производству (China 2030, 2012: XV).

³² В упоминавшемся докладе «Китай 2030» также отмечается низкая эффективность госпредприятий: «... предприятия в государственной собственности потребляют большую долю капитала, сырья и полуфабрикатов для создания сравнительно небольшой доли валового выпуска и добавленной стоимости» (China 2030, 2012: 25). Вместе с тем «прочные прямые связи между государством и закрепившимися госпредприятиями, особенно крупными, ограничивают вход и доступ к ресурсам для частных фирм, препятствуют эффективному использованию и размещению ресурсов и душат предпринимательство и инновации» (Ibid.: 112). В докладе говорится, что в рамках реформы, нацеленной на структурные изменения, «доля госпредприятий в промышленном производстве должна снизиться с текущих 27 % (в 2010 г.) до примерно 10 % в 2030 г.» (Ibid.: 110). Это подтверждает слова Лала о «новых мандаринах».

инвестиций крайне актуально, так как вследствие политики «одна семья — один ребенок» страна столкнется со старением населения (к 2040 г. соотношение между работающими и пенсионерами будет 2:1, а не 6:1, как в начале века) и поток сбережений по мере его старения неизбежно станет сокращаться³³.

В Индии же, напротив, демографических ограничений еще долго не предвидится, общая норма внутренних накоплений может значительно вырасти в течение ближайших двух десятилетий³⁴ и высока вероятность того,

³³ Авторы доклада «Китай 2030» также обращают внимание на эту проблему: «Китаю предстоит пройти через мучительное демографическое изменение: доля зависимого пожилого населения удвоится в ближайшие два десятилетия, достигнув нынешнего уровня Норвегии и Нидерландов к 2030 г. (между 22 и 23 процентами), а численность рабочей силы в Китае начнет сокращаться уже с 2015 года» (China 2030, 2012: 8). В то же время, вопреки Лалу, они не связывают этот демографический сценарий с падением нормы сбережений: «Высокие нормы сбережений страны позволяют заменять капитальные активы сравнительно быстро, и это будет способствовать быстрому сокращению технологического разрыва» (Ibid.: 10). За счет технологических прорывов и инноваций станет расти и общая факторная производительность, которая, как легко догадаться по мысли авторов доклада, должна компенсировать негативные последствия предстоящего демографического провала. И хотя годовые темпы экономического роста снизятся до 6–7 % в предстоящие два десятилетия (и 5 % в 2026–2030 гг.) (Ibid.: 8, 11), это будет экономический рост нового качества. Инновационный путь развития видится единственной альтернативой стагнации, которую порождает «ловушка среднего дохода» (Gill, Kharas, et al., 2007). «Рост производительности от секторального перераспределения и сокращения технологического разрыва со временем исчерпываются, в то время как растущие зарплаты делают трудоинтенсивный экспорт менее конкурентоспособным на мировом рынке. Если страны не в состоянии увеличить производительность через инновации (а не продолжать полагаться на зарубежные технологии), они оказываются в ловушке» (China 2030, 2012: 12).

³⁴ Поскольку Индия только начинает свой демографический переход, то можно предвидеть изобилие частных сбережений вплоть до стабилизации населения, согласно прогнозу ООН, на уровне 1,6 млрд. человек в 2045 г., после чего начнется его старение. Ожидается, что доля работоспособного населения в возрасте 15–64 года вырастет с 62,9 % в 2006 г. до 68,1 % в 2026 г. При том, что в 2010 г. общая норма фертильности достигнет величины 2,1, обеспечивающей простое воспроизводство населения, все население будет увеличиваться вплоть до 2045 г. В течение этих трех десятилетий демографического перехода норма сбережений в Индии должна вырасти. Норма частных сбережений вполне может увеличиться более чем до 30 % к 2030 г. Если общественный сектор не будет делать отрицательные сбережения, а корпоративные сбережения останутся на текущем уровне, равным 8 %, то общие внутренние сбережения Индии вполне могут быть на уровне 38–40 % в ближайшие два десятилетия. Таким образом, ясно, что Индия не столкнется с какими-либо ограничениями сбережений в ближайшем будущем (Lal, 2008: 26).

что в соревновании по темпам экономического роста индийская «черепаха» обгонит китайского «зайца» (Лал, 2009: 253)³⁵.

Интересный вывод, который делается из сравнения Индии и Китая, заключается в том, что «в обеих странах движущей силой роста стали отрасли, которым государство не уделяло внимания, расценивая их как второстепенные, — малые предприятия в сельской местности в Китае и сектор информационно-технических услуг в Индии» (Лал, 2009: 253–254). В статье с характерным названием «Индийское экономическое чудо?» приводятся примеры того, как частный сектор успешно захватывал многие услуги, которые должен был бы предоставлять общественный сектор, но не делал этого (или делал неудовлетворительно) в силу своего отвратительного состояния (Lal, 2008: 29–30).

В итоге Лал констатирует, что «самым потрясающим явлением последних десятилетий прошлого века стал отказ двух крупных евразийских цивилизаций — индийской и китайской — от социалистического пути и выход на дорогу, которую проложила Япония» (Лал, 2009: 254). При этом в перспективе он ожидает от Индии четвертого экономического чуда (после японского 1960-х гг., корейского 1970-х и китайского 1990-х гг.) из тех, что наблюдал на своем веку³⁶. Иначе говоря, речь идет о перспективе замены китайского экономического чуда на индийское в ближайшие десятилетия.

Дальний Восток. В случае Кореи, Гонконга, Тайваня и Сингапура Лал ссылается на исследования, которые убедительно демонстрируют, что ничего загадочного в их быстром развитии нет. «Эти чудеса вполне объясняются в конвенциональных экономических терминах: они появились благодаря очень

³⁵ Это, на наш взгляд, не исключено, так как Индия (в отличие от Китая) еще очень далека от «ловушки среднего дохода». Среднедушевой ВВП Индии в 2010 г. в постоянных долларах 2000 г. равнялся \$790, тогда как китайский был в 3 раза выше — \$2396 (Ward, 2011: 3). В этой связи можно вспомнить замечательную догадку Фридриха фон Хайека: «Если прибыль можно получить быстро и легко, а экономика в целом показывает быстрый рост, то это значит, что многое в данной экономике оставляет желать лучшего, а, стало быть, экономика находится в плохой форме и очевидные возможности будут скоро исчерпаны. Отсюда, между прочим, следует, насколько абсурдно судить о состоянии экономики по темпам роста; темпы роста говорят больше об упущениях прошлого, нежели о достижениях настоящего. Слаборазвитой стране во многих отношениях легче быстро наращивать производство, коль скоро для этого обеспечены некоторые совершенно необходимые структурные условия» (Хайек, 2006: 594, примеч.).

³⁶ Индия в состоянии обеспечивать темпы роста около 10 % в год, что при ежегодном приросте населения на 1–1,5 % приведет к росту душевого дохода примерно на 8,5–9 % в год на протяжении следующих двух десятилетий (Lal, 2008: 31).

высоким нормам сбережений и эффективным инвестициям, наиболее важным направлением которых стало использование возможностей международного разделения труда посредством международной торговли» (Лал, 2007: 163).

Дирижизм в Корее, как и на Тайване, Лал объясняет необходимостью решения агентской проблемы по мере роста капитализации фирм. Если небольшими предприятиями может управлять собственник, то в крупной акционерной фирме возникает конфликт интересов между акционерами и управляющими. Корейцы, например, решали эту проблему за счет стимулирования создания чеболей и определения победителей посредством показателей экспорта, которые служили своеобразным внешним контролером качества работы управляющих³⁷. Сингапур полагался на прямые иностранные инвестиции, Тайвань — на государственный сектор. Однако наилучших показателей эффективности инвестиций достиг Гонконг, который отдал формирование структуры своей экономики целиком на откуп рыночным силам (Там же: 164–165).

Япония, как отмечает Лал, также добилась в свое время успеха скорее вопреки, чем благодаря Министерству внешней торговли и промышленности. Постоянная конкуренция за внешние рынки определила эффективность инвестирования значительной части сбережений. Для объяснения японского «экономического чуда» также достаточно стандартной экономической теории (Там же: 175).

Однако какова роль космологических представлений в этих историях успехов? Здесь Лал обращает внимание на китайскую модель семьи. Китайские семьи всегда были предприимчивы, но их инициативу подавляло хищническое государство. Успех китайских семейных предприятий связан и с изменениями в способе производства во многих отраслях, выпускающих потребительские товары. «Фордизм» как массовое изготовление стандартизированных товаров все менее удовлетворяет вкусам потребителей. Все большее место занимают «дизайнерские» предметы потребления. И тут китайское семейное предприятие оказалось наиболее подходящим для них. «Для “дизайнерских” товаров экономика на масштабе имеет меньшее значение, чем для старых оплотов фордистского консьюмеризма, так что предприятия мелкого масштаба, которые могут гибко реагировать на сдвиги во вкусах (дизайне), не только не находятся в невыгодном положении, но, похоже, обладают сравнительными преимуществами по сравнению с более традиционными и бюрократически организованными фирмами» (Там же: 167).

Есть и другие сферы, где космологические представления о семейной жизни сыграли свою положительную роль. Древнее почитание семьи в ки-

³⁷ Поддержка экспорта продукции обрабатывающей промышленности — наименее селективная форма вмешательства.

тайской культуре может «объяснить широко распространенное существование того самого “отложенного удовлетворения”, которое привело к невероятно высокой норме сбережений (и таким образом инвестиций) в этих странах» (Там же: 168)³⁸. Аналогичный аргумент, как пишет Лал, можно применить и к Индии (Там же)³⁹.

Прочность семейных уз объясняет и то, что на них строится система социальной защиты. Это позволяет не копировать Запад с его государствами всеобщего благосостояния⁴⁰. В результате доля государственных расходов в ВВП (т. н. бремя государства) значительно ниже, чем в европейских странах и США⁴¹, что дает больший простор для развития частного сектора.

Что же касается Японии, то здесь для начала можно обратить внимание на радикальное различие между реакциями ее элит и китайских на вторжение Запада⁴². Однако и реформаторы эры Мэйдзи противостояли импорту «западных ценностей». Одна из их задач «состояла в том, чтобы сделать прививку любознательному японскому разуму от потенциально подрывных иностранных идей, таких как индивидуализм, либерализм и демократия» (Там же: 173). В качестве новой национальной идентичности была изобретена идеология «семейного государства».

³⁸ «Чем в большей степени династические семейные интересы управляют индивидуальным выбором, тем ниже будет частный уровень временных предпочтений и, следовательно, выше доля сбережений» (Там же).

³⁹ В Китае в 2007–2010 гг. суммарные сбережения составляли в среднем около 53 % ВВП, в Индии 34,5, тогда как в США 11,5, Германии 24,5 % (рассчитано по: World Development Indicators).

⁴⁰ Тут вполне уместно обратиться к мемуарам создателя «сингапурского чуда» Ли Куан Ю. «Мы предоставляем... людям помощь, но лишь в том случае, если никакого другого выхода у них нет. Такой подход представляет собой полную противоположность социальной политике западных стран, в которых либералы активно поощряют обращаться людей за социальной помощью безо всякого чувства стыда, что приводит к огромному росту затрат на социальное обеспечение» (Ли Куан Ю, 2005: 104). Характерно, что он говорит о «чувстве стыда», которое, как мы уже знаем, является главным инструментом социализации в восточных культурах. Кроме того, согласно конфуцианской этике, получать не заработанное — стыдно.

⁴¹ В 2007–2010 годах среднее отношение государственных расходов к ВВП в США равнялось 40,3 %, в Германии 45,6, тогда как в Китае 21,2, Индии 26,3 % (рассчитано по: World Economic Outlook Database).

⁴² «Китайская бюрократия обучалась по книгам китайских классиков и имела практические знания в поэзии и литературе. Напротив, японская бюрократия интересовалась вооружениями и, следовательно, наукой и техникой. Хотя обе страны были конфуцианскими, китайские бюрократы невозмутимо противостояли западной науке. Японские же, от бакуфу при Токугава до реформаторов эпохи Мэйдзи, были полны энтузиазма по поводу овладения западной наукой» (Лал, 2007: 171).

Лал полагает, что, несмотря на все послевоенные изменения и обретение материального богатства, цементирующие общество важнейшие аспекты социальной жизни не были разрушены. Процесс социализации до сих пор определяется стыдом, японская концепция «я» исключает душу; семейные ценности, несмотря на серьезные изменения в положении семей, сохраняют традиционные паттерны, что, в частности, проявляется в значительно меньшем, чем на Западе, распространении разводов, меньшем проценте семей с матерями-одиночками и меньшей долей пожилых людей, находящихся в домах престарелых (Там же: 175, 177–179).

В то же время в Японии, в отличие от других иерархических обществ и собственного прошлого, иерархический статус не наследуется и не присваивается, а приобретается чаще всего через жесткое меритократическое соперничество за получение образования. «Тем самым японцы смогли приспособиться к нуждам модернизации без вестернизации своего “я”» (Там же: 178).

Исламский мир: многовековой застой. Лал отмечает интенсивный рост смитовского типа и развитие науки в эпоху династии Аббасидов⁴³. В то же время он подчеркивает, что этот научный расцвет был вторичным, так как исламский мир лишь выступал в роли посредника в передаче идей и методов от ранних древних цивилизаций Греции, Индии и Китая. Рост же смитовского типа подпитывался обильным притоком драгоценных металлов, главным образом золота, добываемого отчасти в качестве военных трофеев, отчасти через неэквивалентную торговлю с африканскими племенами. При этом сколько-нибудь существенного повышения производительности земледелия не наблюдалось. Начиная с XII столетия и позже рост был в лучшем случае экстенсивным (Лал, 2007: 74–75).

«После неудачной осады Вены в 1683 г. дальнейшая история ислама стала историей поражения и унижения, претерпеваемых от рук Запада» (Там же: 73). Согласно Лалу, поражения в противостоянии с Западом породили три типа реакции. Во-первых, фаталистическую (перемена воли Аллаха). Во-вторых, похожую на ту, что имела место у Японии и Китая: создать техническую базу, позволяющую противостоять Западу в военной области. В-третьих, очистить ислам от искажений (вернуться к исконному, «чистому» исламу) и тем самым вернуть расположение Аллаха (Там же).

Очевидно, что первая и особенно третья реакция⁴⁴ не оставляют никаких надежд на модернизацию. Идея «очищения» ислама принадлежит не только далекому прошлому. Теократическая революция Хомейни в Иране была

⁴³ Вторая (после Омейядов) династия арабских халифов (750–1258), происходившая от Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба, дяди пророка Мухаммеда.

⁴⁴ «Путь улитки», по меткому выражению Лала (Лал, 2010: 147).

именно реакцией такого рода. Дело в том, что ислам на протяжении истории сталкивается с конфликтом между научной и религиозной истиной: обратиться к науке можно лишь отринув буквальную трактовку религиозных текстов. Различие в этом вопросе с христианством определяется исламской космологией: она не допускает свободы человеческой воли (не дает отделить «богово» от «кесарева»), настаивает на всемогуществе бога, полностью поглощающем человеческую волю. Отсюда — как постоянные попытки объединить государство и церковь, с одной стороны, так и нормативный кодекс всех человеческих действий (шариат) — с другой.

Однако шариат не благоприятствовал развитию. Как замечает Лал, за его пределами лежат многие важные области права. Исламское же государство, будучи обществом завоевателей, обладало очень простым конституционным основанием. Земля объявлялась собственностью суверена по праву завоевания, и, «начиная с Омейядов и Аббасидов, вплоть до Османов в Турции и Сафавидов в Персии, монополия государства на землю стала традиционным юридическим каноном исламских политических систем» (Там же: 83). Кроме того, в шариате отсутствует лежащее в основе западного капитализма понятие римского права о юридическом лице. «Трудно избежать вывода, — пишет Лал, — что исламская правовая система не способствовала экономическому развитию» (Там же: 84).

Исламский мир полностью проиграл Европе и по причине в высшей степени хищнического характера государства, который никак не гарантировал частную собственность (Там же: 76). Связан этот его характер с космологическими представлениями ислама или нет — вопрос дискуссионный. Однако, как бы то ни было, очевидно, что «капитализм, как экономическая система, возник, когда купец и предприниматель получили достойный социальный статус и защиту от хищнических устремлений государства» (Лал, 2009: 20).

Ссылаясь на примеры постататюрковской Турции, Индонезии и Малайзии, Лал утверждает, что «вовсе не исламские верования само по себе препятствуют развитию, а недееспособный этатизм и дирижизм, отказ от которых... вызвал интенсивный рост протетеевского типа» (Там же: 87). Подобные высказывания характерны и для других исследователей: «...ислам, как и всякая религия, определяется не тем, что говорится о нем в книгах, а тем, каким делают его люди» (Закария, 2004: 131).

Попытка разрешить эту дилемму (ислам и препятствует, и не препятствует развитию) заставляет уходить в популярную сегодня теорию «ресурсного проклятия». Тот же Фарид Закария пытается сузить проблему до проблемы арабского мира, Ближнего Востока⁴⁵, а ее, в свою очередь, — до «ресурсного

⁴⁵ «Реальная проблема относится не к мусульманскому миру, а к Ближнему Востоку» (Закария, 2004: 132).

проклятия»⁴⁶. Большое значение «ресурсному проклятию» придает и Лал⁴⁷. Однако это, на наш взгляд, не избавляет от необходимости оценки роли исламской космологии в экономическом развитии.

Из приведенных примеров сравнительно успешно развивающихся исламских стран уже видно, что они наименее исламизированные. Однако даже и в них наблюдается мусульманская реакция. Это признает и сам Лал: «Издавна существующее мусульманское стремление объединить государство и церковь никоим образом не мертво» (Лал, 2007: 87).

Со временем позиция Лала в отношении исламского мира несколько ужесточилась (напомним, что книга «Непреднамеренные последствия» вышла в 1998 г., до известной вспышки исламского фундаментализма в 2001 г.). Особенно заметно это проявляется в книге «Похвала империи» (издана в США в 2004 г.). «...В конечном итоге, — пишет он, — именно *сам ислам является корнем проблем, не дающих мусульманскому миру приспособиться к современности* (курсив мой. — А.З.)» (Лал, 2010: 154).

В качестве причины этого он более определенно указывает на исламскую космологию, в которой в принципе невозможно отделить духовное от светского: «...в отличие от христианства, где духовная и светская власть могут быть разделены, в исламе такое разделение отсутствует, потому что вся жизнь, включая политику и управление государством, регулируется религиозным законом» (Там же: 148).

В 2004 году Лал обращается и к такому аспекту исламской космологии, как джихад, который он ранее не затрагивал. Хотя, конечно, говоря о традициях общества завоевателей, он не проходил мимо того, что идеологическим стимулом завоеваний, создания мировой империи (Арабского халифата) было стремление распространить учение пророка на весь мир. И сегодня священная война против Запада вытекает из известных особенностей ислама. «Ислам считает себя религией мира. Но это мир на условии признания исламской идеи Бога» (Там же: 158).

⁴⁶ «...Режимы, обогащающиеся благодаря природным ресурсам, имеют тенденцию не развиваться, не модернизироваться и не легитимизироваться. Арабский мир является самым убедительным подтверждением теории о государствах-паразитах» (Там же: 145).

⁴⁷ «Главной детерминантой экономической политики, влияющей на эффективность инвестиций и темпов роста, является не столько государственный строй, сколько стартовая ситуация в плане наделенности ресурсами — в особенности наличие или отсутствие сырьевых богатств. По сути, это связано с неизбежной политизацией сырьевой ренты, оказывающей негативное воздействие на показатели роста» (Лал, 2009: 337). Подробнее Лал развил эту тему в совместной с Хла Мюинтом работе (Lal, Myint, 1996).

Во всех евразийских цивилизациях выражено неприятие европейской космологии в области семейных и сексуальных отношений⁴⁸. В исламе же оно проявляется особо отчетливо⁴⁹. «...Сердцевиной исламистского бешенства является как раз страх перед тем, что модернизация связана с вестернизацией, особенно в частной сфере — в том, что касается семейных и сексуальных нравов и обычаев» (Там же: 173). Эту ситуацию, согласно Лалу, удастся преодолеть, «когда мусульмане Ближнего Востока, подобно всем великим евразийским цивилизациям, присоединятся к движению глобализации, поняв, что предполагаемая тем самым модернизация не требует вестернизации и потери собственной души» (Там же: 167).

В 1998 году Лал, рассматривая шансы исламского мира на модернизацию, возлагал надежду и на исламский вариант реформации под влиянием глобализации, которая была задавлена в раннем исламе в результате борьбы с движением мутазилитов (VIII–IX вв.). Они, подобно христианам, отстаивали свободу человеческой воли и позволяли иджитихад (интерпретацию) религиозных догматов, который мог бы уничтожить содержащиеся в них препятствия к экономическому развитию (например, взиманию процентов) (Лал, 2007: 87–88).

Однако до сих пор исламская реформация является нереализованным проектом. В реальности мы скорее наблюдаем обратное — многочисленные попытки встать на «путь улитки» и обрести «истинный» ислам. И, по всей видимости, далеко не случайно, что в списке из 13 стран, сумевших начиная с 1960 г. преодолеть «ловушку среднего дохода», нет ни одной мусульманской страны (China, 2030, 2012: 12)⁵⁰.

⁴⁸ В основе этого, как справедливо замечает Лал, изначально лежали не какие-то моральные или религиозные соображения, а чистый прагматизм. «Оседлое сельское хозяйство требовало стабильных семей. При постоянной текучести состава семьи невозможно было бы существование стабильных домохозяйств на определенных участках земли» (Лал, 2010: 156).

⁴⁹ Вероятно, это связано с той стороной исламской космологии, на которую Лал обратил внимание еще в 1998 г. Тезис шариата о том, что каждый ответствен за свои действия лишь перед Богом, означает, что общество не признает никаких групповых интересов, кроме основанных на родстве. В результате «семья стала единственной социальной структурой, которая пользуется божественным и, следовательно, юридическим признанием» (Лал, 2007: 83).

⁵⁰ Естественно, что арабские нефтеэкспортеры не рассматриваются в качестве таковых, поскольку одного формального признака типа среднедушевого ВВП недостаточно.

Либеральный экономический мировой и имперский порядок (ЛЭМП)

Итак, вернемся на Запад. Для окончательного триумфа второй папской революции потребовалось долгое время: почти 800 лет. Однако когда он наступил, то это означало, что модернизация (так, как ее трактует Лал) впервые состоялась: в материальные представления вошли идеалы свободной рыночной экономики. Правда, в полной мере это произошло лишь в одной стране мира, которая стала основателем и лидером ЛЭМП.

ЛЭМП № 1. Мир свободного рынка и свободной торговли на протяжении значительной части XIX в. олицетворяла Великобритания. Лал видит истоки рыночных реформ того времени не столько в идеях Адама Смита, сколько в экономическом крахе политики меркантилизма⁵¹. Сам ЛЭМП окончательно сформировался под эгидой Великобритании после 1846 г. (с отменой «хлебных законов»).

ЛЭМП № 1 опирается на несколько столпов (Лал, 2010: 178–179).

Во-первых, на свободу торговли. Идея фритредерства в то время доминировала настолько, что политики даже не считалась ни с какими внешнеторговыми барьерами, выставляемыми другими странами перед британскими товарами. Великобритания осуществляла либерализацию торговли в одностороннем порядке. Поскольку «торговые ограничения негативно отражаются лишь на благосостоянии той страны, что проводит протекционистскую политику ... было бы неразумно отказываться от роста собственного благосостояния только потому, что так поступают другие» (Лал, 2009: 50)⁵².

Во-вторых, это *laissez-faire*. Здесь Лал приводит предложенное известным британским философом Майклом Оукшоттом деление государств на два типа: государство как гражданская ассоциация и государство как ассоциация-предприятие (Oakshott, 1993). Великобритания в середине XIX в. была, пожалуй, самым чистым в реальной истории воплощением первого⁵³. Госу-

⁵¹ «Эпоха реформ в XIX веке была обусловлена не столько теорией Адама Смита, сколько стремлением государств восстановить налоговую базу, разрушенную из-за непредвиденных последствий меркантилистской политики» (Лал, 2009: 45).

⁵² «Какой смысл вам плевать в свой колодец из-за того, что это делают другие?» (Там же).

⁵³ «Концепция гражданской ассоциации отводит государству роль гаранта соблюдения законов, который не стремится навязать людям некий набор задач (в том числе абстракций вроде «социального обеспечения» или основополагающих «прав»), но лишь обеспечивает им возможность преследовать собственные цели» (Лал, 2009: 66).

дарство было нацелено на поддержание мира, законности и порядка и почти не вмешивалось в хозяйственную жизнь⁵⁴.

В-третьих, это золотой стандарт, который автоматически выравнивал дисбалансы в мировой торговле и обеспечивал наилучшие условия для международного движения капитала⁵⁵. Можно сказать, что именно золотой стандарт «несет ответственность» за то, что мы сегодня называем глобализацией.

В-четвертых, мобильность труда. Британский ЛЭМП обеспечивал свободу международного перемещения трудовых ресурсов. Очевидно, что для современной глобализации свободный глобальный рынок труда немислим.

В-пятых, международные права собственности. Лал полагает, что самым важным элементом ЛЭМП № 1 являлась международная система защиты прав собственности. Она строилась на торговых договорах, заключенных европейскими странами в середине XIX в. (Лал, 2010: 179).

Империи и Pax Britannica. Описанный выше экономический порядок нуждался в том, чтобы какая-то сила была его гарантом. Таковой стала Британская империя. Однако прежде чем вслед за Лалом выделить некоторые ее особенности, необходимо хотя бы очень кратко рассмотреть его трактовку империй.

Во «Введении» отмечалось, что империи приносят такое общественное благо, как мир. Соединяя территории в единое экономическое пространство, они способствуют процветанию. Оно во многом обусловлено тем, что империи производили и такое общественное благо, как коммуникации. Еще одним имперским общественным благом является лингва-франка — «общий язык ведения дел как внутри имперской бюрократии, так и между ней и ее подданными» (Лал, 2010: 79).

Лал классифицирует империи, во-первых, на мультикультурные и гомогенизирующие, во-вторых, на империи, представленные государством как гражданской ассоциацией и государствами как предприятиями. Примером

⁵⁴ «Огромный экономический динамизм частной экономики в Великобритании породил массовое требование перехода к компактному государству и дешевому правительству. Радикалы из среднего и рабочего классов поддерживали эту политическую программу, поскольку видели в ней путь к ограничению влияния аристократов, государственного долга и «старой коррупции», позволявшей тратить деньги налогоплательщиков в интересах политически влиятельных кругов» (Лал, 2010: 99).

⁵⁵ В книге, вышедшей в США в 2002 г., американский экономист Бринк Линдси писал о том, что достигнутый в начале XX в. рекордный объем международных потоков капитала относительно совокупного объема производства не перекрыт и по сей день. В то время ежегодный экспорт капитала из Великобритании составлял 9 % ВВП, тогда как в 1980-е гг. профицит текущего баланса Японии и Германии ни разу не превысил 5 % ВВП (Линдси, 2006: 104).

мультикультурной империи может служить Австро-Венгрия, гомогенизирующей — китайская империя. Что касается второй классификации, то государством-ассоциацией Лал числит, например, Римскую империю, а воплощением государства-предприятия является «Российская империя при Ленине и его преемниках» (Там же: 86–87).

Почему обычно империи отождествляются со злом? В категорию «зла» попадают империи, организованные как государства-предприятия. «Похоже, что империи, которые обычно считаются злом, относятся как раз к числу тех, которые разделяли взгляд на государство как на предприятие и стремились служить некоему идеалу, выходящему за рамки идеи поддержания порядка» (Там же: 87).

Лал различает империю и гегемонию. В первом случае речь идет о стремлении контролировать как внешнюю, так и внутреннюю политику, во втором — только внешнюю. Естественно, что «империи, стремящиеся контролировать и внешнюю, и внутреннюю политику других государств, являются предприятием более затратным, чем гегемония» (Там же: 41). В то же время если издержки на интеграцию империи высоки, то выбор может быть сделан в пользу имперского непрямого правления (Афины в Древнем мире).

Большая часть населения Земли жила в империях, а анархичная система европейских государств, возникшая после распада Римской империи, была скорее исключением, чем правилом.

Империям угрожают фискальные кризисы. «Самой распространенной причиной падения империй является рост фискальных поборов, которые, порождая сопротивление, уклонение и бегство от налогов, ведут к хроническому бюджетному кризису, итоговим результатом которого оказывается крах военной и бюрократической инфраструктуры империи и обеспечиваемого порядка» (Там же: 89).

Британская империя попадает в разряд империй, представленных государством как гражданской ассоциацией, и, разумеется, империй мультикультурных. Она предпочитала не прямое правление⁵⁶. Лал пишет об «экспорте джентельменского кодекса» (Там же: 98), который осуществляла империя. В частности, это подготовка местных управленческих элит. Прежде всего, конечно, в Индии. В конце Второй мировой войны Великобритания управляла всеми своими колониями с помощью администрации численностью

⁵⁶ «Индия, к примеру, не была колонией (с белыми поселенцами), но при этом являлась центральным звеном Британской империи. И не вся она была под прямым правлением Британии. Управление княжествами, составлявшими значительную часть британских владений в Индии, осуществлялось непрямым образом — через политических представителей, которые были при каждом дворе местных правителей» (Лал, 2010: 100 примеч.).

менее 3000 человек, что более чем втрое уступает штату Всемирного банка (Там же: 128–129).

Можно сказать, что Британия экспортировала либеральный порядок, особенно если принять во внимание тот факт, что она, безусловно, в одностороннем порядке придерживалась принципа свободной торговли. Это, кстати, устраняло необходимость принуждения к ней или давления в пользу ее введения.

Pax Britannica нуждался только в гарантиях безопасности глобальных торговых коммуникаций, которая поддерживалась за счет превосходства британского военно-морского флота. В то же время не ясно, являлась ли империя окупаемым проектом. «Даже сегодня историки экономики не могут прийти к единому мнению в вопросе о соотношении между издержками на сохранение и расширение Британской империи и экономическими выгодами от нее после 1850 года» (Там же: 100).

***Pax Americana* и ЛЭМП № 2.** После Первой мировой войны, и во многом в результате нее, рухнул ЛЭМП № 1, а Британская империя утратила былое влияние. США подхватили эстафету только после Второй мировой войны. В промежутке между ними доминировала концепция коллективной безопасности американского президента Вудро Вильсона. По мнению Лала, результатом неспособности американцев взять на себя глобальную имперскую миссию «стали две величайшие угрозы классическому либеральному порядку, установленному в мире Великобританией, — фашизм и коммунизм» (Лал, 2010: 106).

Что представляют США сегодня в международном плане? Лал так отвечает на этот вопрос: «Соединенные Штаты Америки сегодня, бесспорно, являются империей. Это больше, чем гегемония, потому что они стремятся контролировать не только внешнюю, но и некоторые аспекты внутренней политики других стран. Но это неформальная империя с непрямым правлением» (Там же: 116).

Однако за это время сменилась не только империя. Сменился и ЛЭМП. В эпоху *Pax Americana* он далеко не столь либерален, как в эпоху *Pax Britannica*. США стали распространять его не с помощью собственного примера, как ранее Британия, а с опорой на международные организации: МВФ, ВТО, Всемирный банк. Лал отмечает следующие его особенности (Там же: 184–188).

1. Торговля. США отказались от либерализации торговли в одностороннем порядке и в основу положили принцип взаимности. В результате вопросы внутренней политики других стран неизбежно переходят в область внешнеторговой политики.

2. Валютные курсы. МВФ был создан для поддержания системы весьма ограниченного золотого стандарта (Бреттон-Вудской системы). С окон-

чательным крахом золотого стандарта в 1970-е гг. миссия МВФ во многом исчерпала себя. В настоящее время его деятельность по «спасению утопающих» порождает ненужный моральный риск.

3. Развитие. Инструментом развития, помогающим направлять капиталы в страны третьего мира, должен был стать Всемирный банк. Его решения относительно предоставления средств нередко политизированы, критерии — спорны, что резко контрастирует с ЛЭМП № 1, при котором частный капитал из Европы направлялся в другие регионы мира на рыночной основе: туда, где прибыльнее.

Недостаток либерализма в ЛЭМП № 2 США компенсируют экспортом демократии, что, конечно, не может не вызвать негативную реакцию у Лала. Это логично, если вспомнить, что демократия (в отличие от подлинно либерального порядка как системы экономических и гражданских свобод) отнесена им к области не материальных, а космологических представлений. Ее настойчивое продвижение опасно ответной реакцией отторжения ЛЭМП⁵⁷.

Лал возражает тем, кто ссылается на примеры Южной Кореи, Тайваня, Филиппин (Там же: 321–322). По его мнению, они еще не доказывают, что смогут сохранить демократию. Хотя космологические представления в Латинской Америке близки к западным, в ней 200 лет волны демократизации сменяются приливами диктатур. Он считает, что пока еще рано говорить об обретении устойчивости либеральной демократии в Южной Корее или на Тайване. Да и Япония, несмотря на все усилия генерала Макартура, вернулась к политической системе, очень сходной с созданной олигархами эпохи Мэйдзи.

Далее Лал пишет: «Но если политическая свобода во всем мире, пожалуй, и недостижима, то о свободах гражданских и экономических, которые являются еще более фундаментальными аспектами свободы, этого не скажешь» (Там же: 322). Причем «страны могут усваивать эти ключевые свободы даже в отсутствие политических свобод, о чем свидетельствует процветание принадлежащих к китайской культуре городов-государств Гонконга и Сингапура» (Там же).

А что делать США? Во-первых, не стесняться признать себя империей. Империей благожелательной и толерантной. И тогда придет понимание того, что «для предотвращения беспорядков в империи лучше оставить в покое космологические представления других народов, в том числе их политические обычаи» (Там же: 333). Не нужно поддаваться тем, кто хотел бы исполь-

⁵⁷ «Попытка западных этических империалистов учинить джихад во имя своих космологических представлений, воплощением которых являются демократия и права человека, способна привести к обратной реакции, поскольку другие культуры по ошибке могут решить, что модернизация и глобализация означают также вестернизацию и потерю собственной души...» (Лал, 2010: 323).

зывать мощь Америки, чтобы силой закона утвердить западные «привычки души».

Во-вторых, последовать примеру британцев XIX в. и в одностороннем порядке ввести режим свободной торговли со всеми. Исключением, как считает Лал, могут быть страны Евросоюза, пока он сам не откроет свои экономические границы для мира (Там же: 329). Это, например, сразу сделает окончательно бессмысленным существование ВТО.

Однако возможность стать новой либеральной империей ограничена теми внутренними изменениями, которые трансформировали Западную цивилизацию в противоположном классическому либерализму направлении.

Индивидуализм и закат Запада. Этой проблеме Лал уделил в своих исследованиях едва ли не самое большое внимание. Дело в том, что «индивидуализм парадоксальным образом подточил самые скрепы сотворенных им процветающих обществ» (Лал, 2007: 206). «Порожденный индивидуализмом триумф науки привел к смерти Бога на Западе и, таким образом, к смерти вины, предписывавшей соответствующую личную мораль. В свою очередь, демократизация, также вызванная индивидуализмом, подточила традиционные иерархические основы этих обществ и разрушила набор “манер”, основанных на почтении, которые порождают чувство стыда в ходе социализации в этих обществах» (Там же).

Таким образом, западное общество, согласно Лалу, утратило как чувство вины, так и остаточное чувство стыда (которое, как мы уже знаем, доминирует в его концепции в качестве механизма социализации в евразийских цивилизациях). Далее, Лал едва ли не повторяет Федора Достоевского с его «бога нет — все дозволено». Секуляризация Запада имела для него ряд негативных последствий, важнейшими из которых являются государство всеобщего благосостояния и активность НПО.

Начнем с первого. Казалось бы, индивидуализм и этот тип государства несовместимы. Однако Лал видит между ними тесную связь. Его логика такова: отмирание чувства вины одновременно привело и к отмиранию чувства личной ответственности за свое благополучие. Для бедных это означало утрату стимулов для подъема по экономической лестнице, для людей более состоятельных — утрату «буржуазных ценностей»: умеренности в потреблении, бережливости (Там же: 198–199). Добавим сюда уже упоминавшееся ранее разделение поколений в семье, снижение их взаимных обязательств в результате первой папской революции. Ясно, что в такой среде у государства появилось много дополнительных дел в форме организации и финансирования социальной защиты.

Государство всеобщего благосостояния обернулось против модернизации и сокрушило ЛЭМП № 1. Достаточно очевидно, что свободная между-

народная миграция рабочей силы не может сосуществовать с множеством национальных социальных программ. Каждое государство будет защищать «своих» претендентов на доступ к их благам от «пришельцев».

Однако экономистам видна и связь краха такой опоры ЛЭМП № 1, как золотой стандарт, с присущей государству всеобщего благосостояния негибкостью зарплаты — результата коллективных договоров профсоюзов с предпринимателями под эгидой властей. Золотой стандарт обеспечивает автоматическое регулирование платежных балансов только при абсолютной гибкости всех цен, включая цены на рынке труда: они должны падать в стране с отрицательным балансом (откуда уходит золото) и расти в стране с положительным балансом (куда золото приходит). Тогда продукция первой страны становится более конкурентоспособной на мировом рынке, а второй — менее и баланс выравнивается⁵⁸.

Теперь снова обратимся к империям. Глобализация и модернизация, согласно Лалу, должны опираться на те блага, которые предоставляет имперский механизм. В то же время «имперская система США движется к серьезному фискальному кризису, который... был главной причиной падения Римской империи» (Лал, 2010: 209). В основе этого кризиса — непомерные расходы на поддержание социальных обязательств, взятых государством всеобщего благосостояния⁵⁹.

Активно противодействуют глобализации многочисленные НПО⁶⁰. Особая роль в нем принадлежит «зеленому движению», представителей которого Лал именует «экофундаменталистами». И это не случайно. «Религиозный вакуум Запада, оставшийся после победы индивидуализма, все больше заполняется причудливым культом природы...» (Лал, 2007: 207). Лал приходит к выводу, что «„зеленые“ — современная секулярная разновидность религиозного движения, которое начало “крестовый поход” всемирного масштаба, стремясь навязать все свои представления о жизни» (Лал, 2009: 329).

Концепцией, на которой «зеленые» и прочие НПО строят свои притязания, является т. н. демократия участия. Лал называет ее «абсолютно антилиберальной» (Там же: 305). Она, как бы парадоксальным это не казалось, приводит к росту влияния групп давления на законодательный процесс. В результате возникает т. н. демосклероз.

Лал подробно рассматривает многообразные формы ущерба, проистекающие из деятельности «зеленых». Это и мифический взгляд на глобальное

⁵⁸ Подробнее об этом механизме см., например: Салерно, 2011.

⁵⁹ О кризисе государства благосостояния в США см.: Котликофф, Бернс, 2005.

⁶⁰ «Роль “штурмовых отрядов” антиглобалистского движения играет бесчисленное множество неправительственных организаций (НПО)» (Лал, 2009: 298).

потепление (с отнюдь не мифическими последствиями в виде Киотского протокола), и запрет на применение ДДТ (который привел к эпидемии малярии в Африке), и борьба с генетически модифицированными продуктами, и многие другие «достижения».

Ради своих целей НПО «колонизировали ООН»: многие его ведомства следуют их целям. Распространяется их влияние и на Всемирный банк. Они «превратились в настоящие инкубаторы всевозможных антиглобалистских программ, укомплектованные международной бюрократией, стремящейся к получению соответствующей ренты» (Лал, 2010: 248).

Очевидно, что «зеленое движение» и прочие НПО дают мощный импульс, направленный против ЛЭМП № 2. В их сотрудничестве с ведомствами ООН «они — самые мощные каналы распространения “нового дирижизма”» (Лал, 2009: 342).

Формальный гуманизм «зеленых» оборачивается мизантропией: «Пусть погибнет человек, лишь бы здравствовала природа». «“Зеленые”, естественно, выступают против обеих форм “капитализма” — свободной торговли по Смиту и сжигания ископаемого топлива; поэтому, если они возьмут верх, беднякам всего мира будет не на что надеяться» (Там же: 321). «Если называть вещи своими именами, то их цель — увековечить традиционную нищету, характерную для великих евразийских цивилизаций — индийской и китайской» (Лал, 2010: 246).

Что же делать? Лал отвечает на этот вопрос совершенно определенно. «Долг крупнейших стран третьего мира и потенциальных имперских держав, таких как Индия и Китай, — противостоять современному религиозному движению, каковым являются “зеленые”, выступившие в крестовый поход за прекращение экономического развития» (Там же: 247).

Лал не зря называет Индию и Китай «потенциальными имперскими державами». Если США не возьмут на себя ответственность за поддержание глобального *Rax*, то можно ожидать, что за решение этой задачи возьмется одна из этих восходящих держав. И с учетом проявленной ими заинтересованности в либерализации экономики, они, как полагает Лал, будут строить необходимый для глобализации ЛЭМП (Там же: 338).

Литература

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.

Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей: То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН, 2007.

Лал Д. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство, 2009.

Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010.

Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира — в первый». М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005.

Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

Салерно Дж. Золото и международная валютная система: вклад Майкла Хелперина // Золотой стандарт: теория, история, политика. Челябинск: Социум, 2011. С. 375–406.

Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.

China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High Income Society. The World Bank and Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington, 2012. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2012/02/28/000356161_20120228001303/Rendered/PDF/671790WPOP127500China020300complete.pdf (дата обращения 02.03.2012).

Ekelund R.B., Jr. Medieval Church // The Encyclopedia of Public Choice / Ed. by C.K. Rowley, F. Schneider. Dordrecht etc.: Kluwer acad., 2004. Vol. 2. P. 387–388.

Fogel R. Capitalism and Democracy in 2040: Forecasts and Speculations. 2007. NBER Working Paper N 13184. URL: <http://www.nber.org/papers/w13184.pdf> (дата обращения: 10.02.2012).

Gill I., Kharas H., et al. An East Asian Renaissance: Ideas for Economic Growth. Washington, D.C.: World Bank, 2007. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTEASTASIAPACIFIC/Resources/226262-1158536715202/EA_Renaissance_full.pdf (дата обращения 02.03.2012).

Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Kuran T. Private Truths, Public Lies. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

Lal D. The Political Economy of Predatory State. Discussion Paper no. 105. Washington, D.C.: World Bank, 1984.

Lal D. Markets, Mandarins and Mathematicians // Cato Journal. 1987. Vol. 7, N 1. P. 43–70 (перезд.: *Lal D.* Against Dirigisme. San Francisco: ICS Press, 1994. P. 23–50).

- Lal D.* The Hindu Equilibrium. 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1988–1989.
- Lal D.* Against Dirigisme: The Case for Unshackling Economic Markets. San Francisco: An International Center for Economic Growth Publication, 1994.
- Lal D.* Unintended Consequences. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998.
- Lal D.* The New Cultural Imperialism: The Greens and Economic Development. UCL Department of Economics Working Paper N 814. November 2000.
- Lal D.* The Poverty of “Development Economics”. 3-rd ed. L.: The Institute of Economic Affairs, 2002.
- Lal D.* In Praise of Empires: Globalization and Order. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004a.
- Lal D.* India // Political Competition, Innovation and Growth in the History of Asian Civilization / Ed. by P. Bernholz, R. Vaubel. Cheltenham: Edward Elgar, 2004b. P. 128–141.
- Lal D.* Reviving the Invisible Hand: The Case for Classical Liberalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2006.
- Lal D.* An Indian Economic Miracle? // Cato Journal. 2008. Vol. 28, N 1. P. 11–33.
- Lal D., Myint H.* The Political Economy of Poverty, Equity and Growth. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Mokyr J.* The Lever of Riches. N.Y.: Oxford University Press, 1990.
- Mokyr J.* Innovations and Its Enemies: The Economic and Political Roots of Technological Inertia // A Not-So-Dismal Science: A Broader View of Economics and Societies / Ed. by M. Olson. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 61–91.
- Oakshott M.* Morality and Politics in Modern Europe. News Haven: Yale University Press, 1993.
- O’Neil J.* Building Better Global Economics BRICs // Global Economics Paper N 66. 2001. URL: <http://www.goldman-sachs.je/our-thinking/brics/brics-reports-pdfs/build-better-brics.pdf> (дата обращения: 10.02.2012).
- Searle J.R.* The Reconstruction of Social Reality. N.Y.: Free Press, 1995.
- Subramanian A.* Eclipse: Living in the Shadow of China’s Economic Dominance. Washington, DC: Peterson Institute of International Economics, 2011.
- Trenin D.* Getting Russia Right. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2007.
- Ward K.* The World in 2050. Quantifying the Shift in the Global Economy. HSBC Global Research. Global Economics, January 2011. URL: <http://www.research.hsbc.com/midas/Res/RDV?p=pdf&key=ej73gSSJVj&n=282364.PDF> (дата обращения 02.03.2012).
- Wilson D., Purushothaman R.* Dreaming with BRICs: The Path to 2050 // Global Economics Paper No. 99. 2003. URL: <http://antonioguillherme.web.br.com/artigos/Brics.pdf> (дата обращения: 10.02.2012).
- World Development Indicators.* World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNS.ICTR.ZS> (дата обращения: 27.02.2012).
- World Economic Outlook Database,* September 2011. International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/02/weodata> (дата обращения: 27.02.2012).

Андрей Заостровцев
Дипак Лал: модернизация без вестернизации

Препринт М-28/11

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 26.03.12
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук О.Л. Маргания
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук Д.Я. Травин
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук В.Я. Гельман